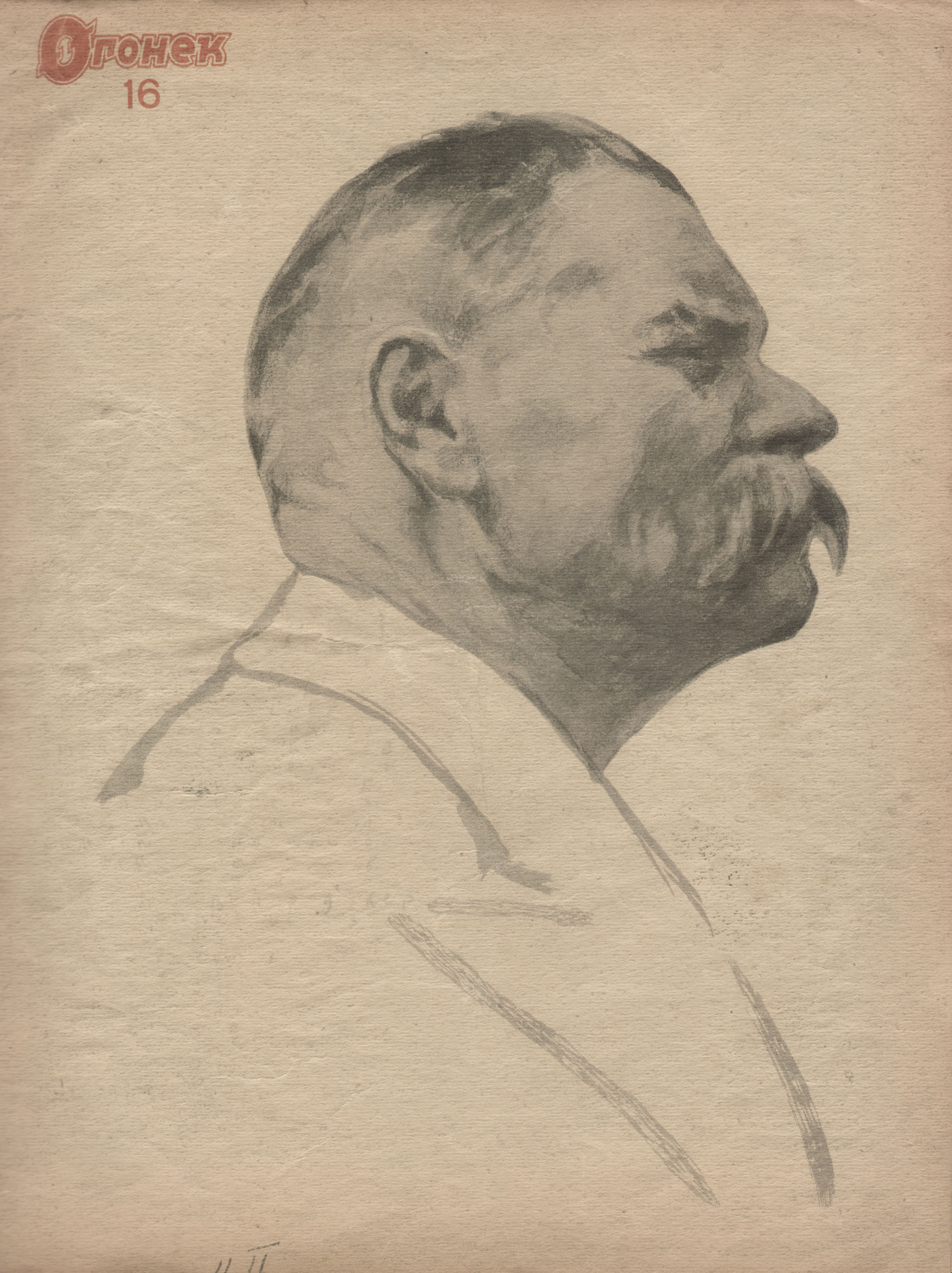
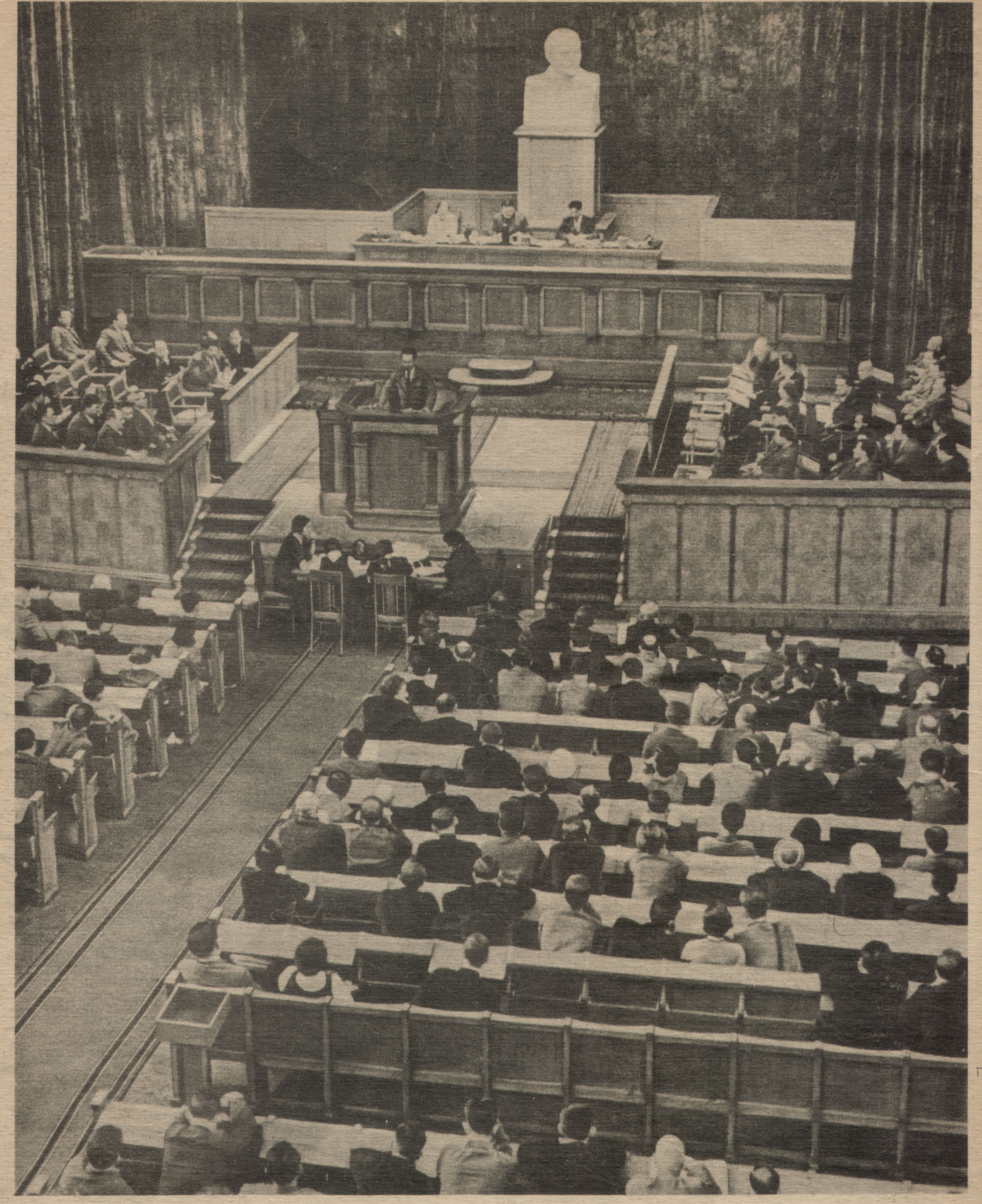

Огонек
16

28 мая в Москве открылась Третья Сессия Верховного Совета РСФСР 1-го созыва. Сессия утвердила: государственный бюджет РСФСР на 1940 год, отчет об исполнении государственного бюджета РСФСР за 1939 год, Конституции Автономных Советских Социалистических Республик, Указы Президиума Верховного Совета РСФСР, принятые между Второй и Третьей Сессиями. На снимке: зал заседаний Третьей Сессии Верховного Совета РСФСР. *Фото Н. Кулешова.*

На обложке: М. Горький. Рисунок худ. М. Попова. На последней странице обложки: народная артистка БССР Л. П. Александровская. Фото Я. Босина.

18-й год издания

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 16
(703)
10 июня
1940 года

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

18 июня исполняется четыре года со дня злодейского умерщвления гениального русского писателя А. М. Горького право-троцкистскими бандитами.

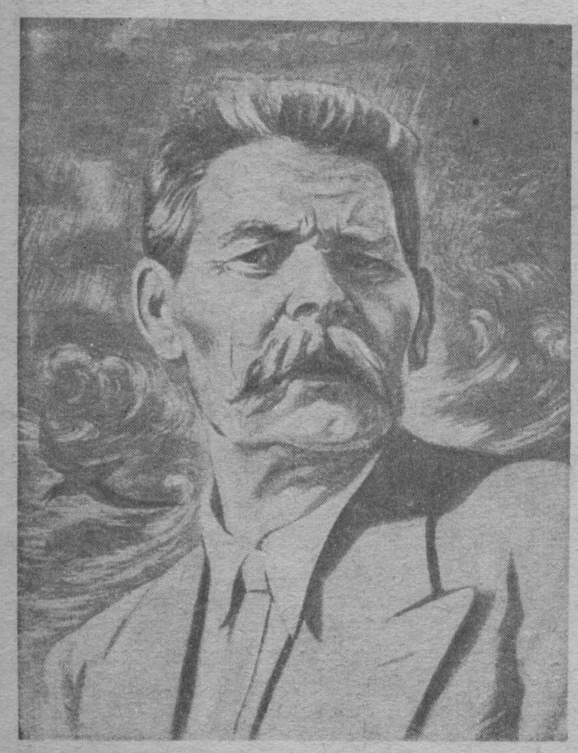
Вдохновенный борец за счастье народа, великий друг Ленина и Сталина, Алексей Максимович Горький зовет своими бессмертными творениями к борьбе за светлое будущее человечества, за коммунизм.

«М. Горький читает товарищам Сталину, Молотову и Ворошилову свою сказку «Девушка и смерть». (Рядом с М. Горьким стоит его сын М. А. Пешков.)

Картина худ. А. Н. Яр-Кравченко

А. Шумский

ГОРЬКИЙ НА РОДИНЕ СТАЛИНА

М. Горький.
Гравюра работы худ. Н. Соколова

«Гори—старинный грузинский городок в долине Куры. Он не велик—с порядочную русскую деревеньку, среди него возвышается высокий холм, на холме крепость, по скатам холма и у его подножья разбросаны маленькие сакли и домишки, почти все они из известняка. На всем городе лежит серый колорит какой-то обособленности и дикой оригинальности. Знойное небо над городом, буйные и мутные волны Куры около него, неподалеку горы, в них какие-то правильно расположенные дыры—это пещерный город, и еще дальше, на горизонте, вечно неподвижные белые облака — это горы главного хребта, осыпанные серебряным, никогда не тающим снегом».

Эти замечательные строки о родном городе Сталина принадлежат перу А. М. Горького и взяты из его очерка «В Гори», напечатанного в «Нижегородском листке» 1896 года.

В 1891—1892 годах по широким просторам России пешком бродил безвестный юноша Алексей Пешков. Не праздное любопытство руководило молодым путешественником. Значительно позже, отвечая одному из своих корреспондентов, который решил уйти в мир Челкашей и Коноваловых, А. М. Горький признался: «Хождение мое по Руси было вызвано не стремлением к бродяжничеству, а желанием видеть—где я живу, что за народ вокруг меня». Путешествия обогатили молодого Горького, познакомили с жизнью трудового народа в царской России.

Странствуя по Грузии, А. М. Горький 13 февраля 1892 года пришел пешком на родину И. В. Сталина—в город Гори.

Еще с утра на улицах было людно и шумно. Повсюду толпились ярко одетые горцы. Был местный праздник, но горийский военный суд избрал этот день для «назидания» народу: предстояла казнь двух крестьян, приговоренных к повешению «за разбой». Смешавшись с толпой, которая направлялась к тюрьме, молодой Горький вскоре оказался на площади перед крепостью, где стоял эшафот. Окружая виселицы, «утвержденные на грубо сколоченном помосте», и теснимая солдатами, здесь стояла плотная, многотысячная толпа горцев. В толпе находились ученики Горийского духовного училища, а среди них тринадцатилетний Сосо Джугашвили—юный Сталин. Ученики были подавлены сценой казни крестьян.

Кто же были эти «разбойники»? Местные крестьяне — Сандро Хубулури, Бате Джиошвили—бежали от помещиков и, таясь в горах, часто совершали нападения на богачей. Грузинские князья и помещики жили в постоянном страхе, боясь социальной мести бунтарей-одиночек. Своим же сельчанам эти «разбойники» нередко помогали. Бунтарей хорошо знали в деревнях и селениях, их не боялись, и довольно часто преследуемый царским правосудием находил убежище у своих же старых товарищей. Естественно, что возбужденная толпа горцев с возмущением наблюдала картину публичного убийства крестьян. В толпе раздавались смелые возгласы против князей и помещиков.

Народ был на стороне осужденных. Это почувствовал и молодой Горький. Он рассказывает, что горцы, «пестро одетые, стройные и смуглые, оживленно сыпали в воздух гортанные слова, адресуя их к двум высоким ребятам, стоявшим на помосте». Осужденные в свою очередь отвечали толпе. Одним штрихом передает Горький прорвавшееся у народа чувство возмущения и презрения к убийцам. Он пишет в очерке: «...коренастый палач, человек с лицом монгола, страшно обезображенный сифилисом, и узенькими глазами смотрел вниз в лица публики, показывавшей ему кулаки, посылавшей краткие ругательства».

Но вот прочитан приговор, и палач, взобравшись на перекладину, начал что-то мастерить. Хохоча и подмигивая зрителям, он совершает свое черное дело. Внизу глухо гудит толпа. Два—три голоса по-грузински бросают казненным прощальные слова. «Многие сняли шапки,—пишет Горький,—и кто-то пронзительно и заунывно запел».

Известно, что в том же, 1892 году, когда Горький был свидетелем этой казни в Гори, им была написана чудесная поэма-сказка «Девушка и смерть». «Нету больше страха пред Судьбой»,— восклицает перед лицом смерти девушка, олицетворяя победу жизни над мрачным в судьбе человека. Раскрывая поэтический и философский смысл горьковского шедевра, товарищ Сталин 11 октября 1931 года писал: "Эта штука сильнее, чем «Фауст» Гете (Любовь побеждает смерть)».

Перечитывая ныне очерк Горького «В Гори», нетрудно убедиться, что та же идея бесстрашия перед лицом смерти вдохновила писателя при создании этого очерка. Хладнокровие, силу воли и моральное превосходство крестьян над царскими сатрапами—вот что отмечает Горький. В своем очерке он писал: «Один из них, рыжеватый имеретин, в рваной куртке, обнажавшей жилистую шею и крепкую грудь, облокотясь на перила и улыбаясь, беседовал с людьми, пришедшими посмотреть, как он умрет; другой весь черный, тоже рваный, похожий на большую головню, стоял под виселицей и покручивал одной рукой усы, другой оправлял петлю, уже накинутую ему на шею».

Любопытно, что местная печать тех лет, сообщая о казни «разбойников» в Гори, вынуждена была отметить спокойствие, с которым крестьяне встретили смерть. В газете «Новое обозрение» корреспонденция из Гори сообщала: «Вообще, вели они себя очень спокойно,—Сандро Хубулури все время молчал, а Бате Джиошвили даже подшучивал».

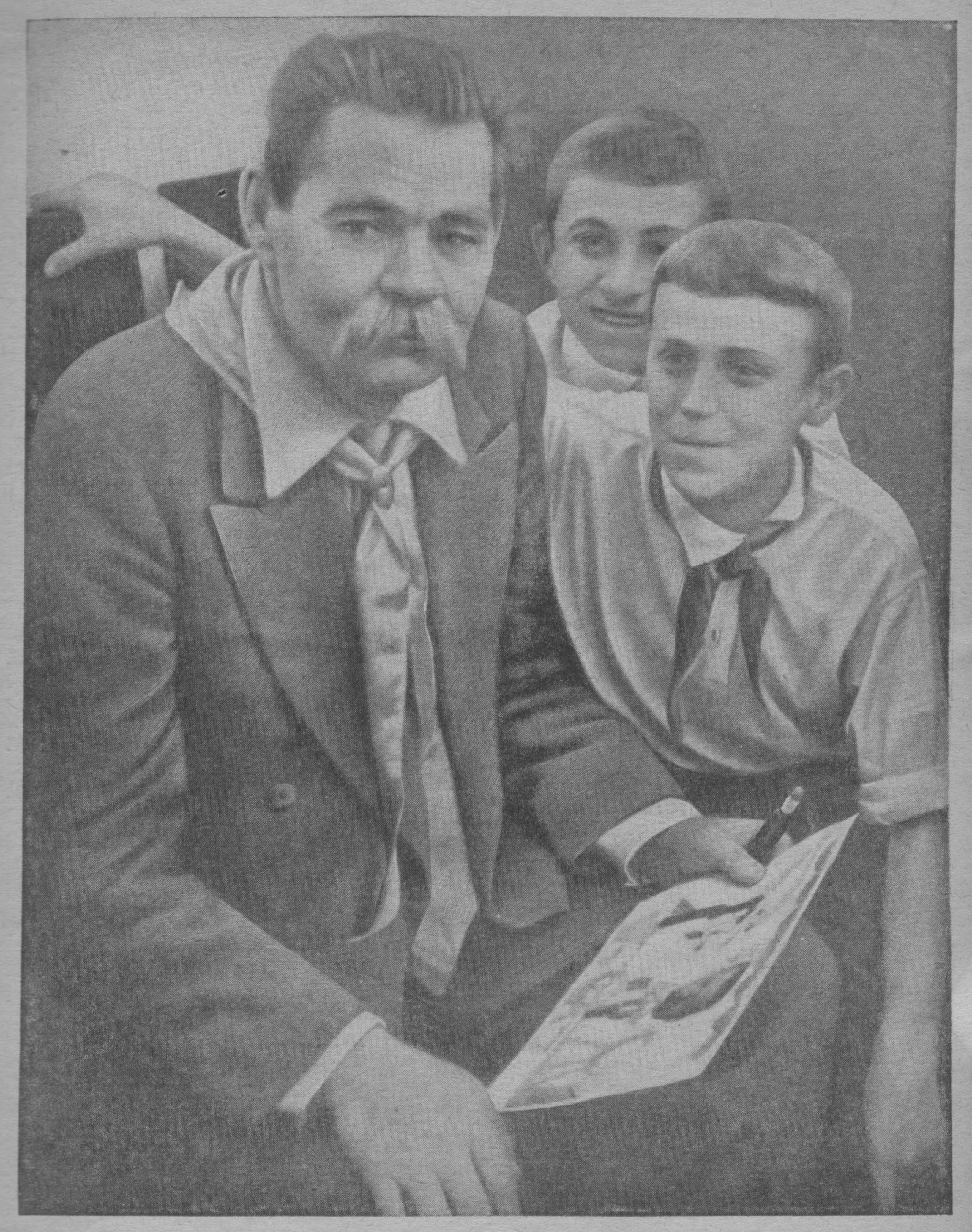
С исключительной силой передает Горький мужество бунтарей-одиночек в момент казни. Палач кончил приготовления и приблизился к осужденному. «Приговоренный к смерти,—пишет Горький,—поднял голову вверх и посмотрел на него. Но на этом смуглом почти черном лице отражалась скорее усталость и скука,— чем страх перед будущим». С веревкой на шее и не ожидая палача, осужденный «сам спрыгнул с табурета и, не достав ногами до помоста, — повис в воздухе». Второй, которому через минуту предстояло тоже умереть... «сплюнул в сторону и улыбнулся, вставая под перекладину».

48 лет отделяют нас от эпизода, описанного А. М. Горьким. Но в социалистической Грузии, в родном городе Сталина, хорошо помнят сцену казни крестьян. Педагог-орденоносец П. С. Капанадзе, учившийся вместе с И. В. Сталиным в Горийском духовном училище, вспоминает: «К месту казни направились и все учащиеся. Преподаватели считали, что это внушит молодежи чувство страха и подчинения. Но картина казни еще более укрепила в нас недовольство тем режимом, который царил в духовном училище. Мы были страшно подавлены сценой казни, глаза застилали слезы. С нами вместе был юный Сосо Джугашвили. Мы горячо обсуждали события этого дня. Проповеди учителей духовного училища, заповедь «не убий» и все подобное никак не увязывалось в нашем представлении с публичной казнью двух крестьян, прозванных разбойниками, с фигурой священника, сопровождавшего осужденных».

Таким образом, талантливый очерк молодого Горького восстанавливает перед нами одну из мрачных картин прошлого, один из эпизодов, волновавший молодого И. В. Сталина.

М. Горький.
Скульптура работы В. Бергизова (Выставка художественной самодеятельности в Ленинграде)

М. Горький с пионерами.

Фото И. Шагина.

Н. Ростов

31 ДЕНЬ В ТРУБЕЦКОМ БАСТИОНЕ

11 (24) января 1905 года, в три часа дня, жандармский ротмистр Балабин и полицейский пристав Скарчевский явились в квартиру М. Горького в Риге и произвели тщательный обыск. Не обнаружив ничего предосудительного, они все же арестовали писателя, но доставили его не в тюрьму, а на вокзал. С шестичасовым поездом в сопровождении жандармов Горький был отправлен в Петербург.

В Петропавловскую крепость заключенных доставляли только глубокой ночью, когда столица спала. Для Горького сделали исключение. Утром 12 января в Петербург прибыл поезд из Риги. На Балтийском вокзале уже ждала карета с опущенными занавесками. Жандармский офицер предложил Горькому войти, сам сел рядом с ним, а унтерофицер поместился напротив. Карета двинулась по петербургским улицам, еще носившим следы 9 января.

Вот и крепость. Проехав Иоанновские ворота, карета направилась по длинной аллее мимо Петропавловского собора, Монетного двора и остановилась у высокого забора.

С внутренней стороны послышался скрип замка. Ворота раскрылись, и карета въехала в передний двор бастиона. Жандарм открыл дверцы, и Горький вышел из кареты. Перед ним, за высоким железным решотчатым забором, была знаменитая тюрьма Трубецкого бастиона. Часовой, стоявший у массивной, чугунной решотчатой калитки, нажал кнопку звонка, и из помещения вышел полковник Иваницкий в сопровождении жандарма и караульного солдата. Жандармский офицер, доставивший Горького, вручил через решотку Иваницкому документы. Проверив их, Иваницкий приказал открыть калитку. Горький перешагнул чугунный порог и медленно направился через дворик в тюрьму, с нескрываемым любопытством осматривая все вокруг себя.

— Пожалуйте, — обратился Иваницкий к Горькому, указывая рукой на дверь.

Это было единственное слово, вслух произносимое стражей бастиона. Имя заключенного никому не называлось. Оно было известно только смотрителю тюрьмы и коменданту крепости. Канцелярскую переписку о заключенных вели гарнизонные писаря, а фамилии заключенных, о которых шла речь, собственноручно вставлял комендант, для чего в документах оставлялось пустое место. Стража знала заключенного лишь под номером его камеры. Так было и с М. Горьким. Никто из стражи не знал, что в бастион посажен знаменитый писатель.

В приемной Иваницкий расписался в сдаче арестованного и отпустил жандармов.

М. Горького подвели к едва заметной двери в углу приемной. Снова звон ключей, дверь раскрылась. Иваницкий молча указал рукой, и Алексей Максимович вошел в обширный сводчатый коридор. Каменный пол его был застлан во всю длину джутовым половиком. Горький заметил, что жандармы и караульные солдаты были одеты в мягкую войлочную обувь, так что шаги их не были слышны. Идя по коридору, он увидел по левую сторону массивные дубовые двери камер, окрашенные в черную краску. Над каждой дверью белый номер. Таких дверей Горький насчитал восемь. Он заглянул было в окна по правую сторону коридора, но нижние стекла оказались закрашенными белой краской, и несмотря на свой высокий рост он ничего не увидел.

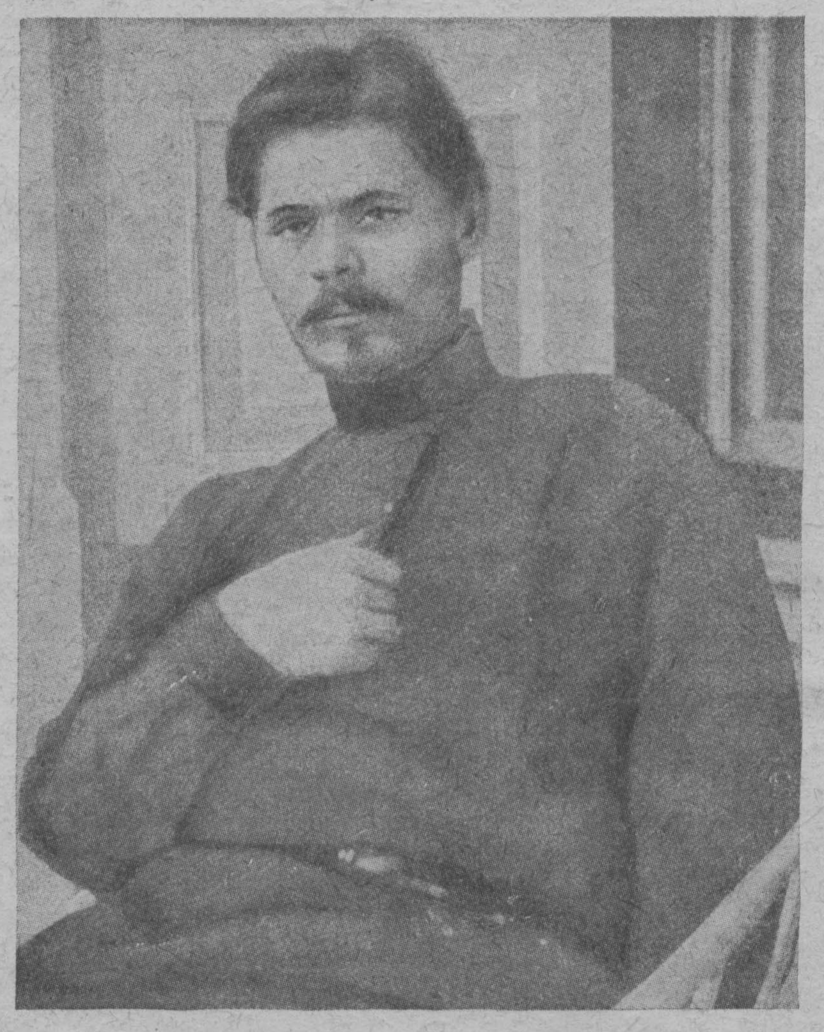
Пройдя нижний коридор, Иваницкий с жандармом и караульным повели Горького по внутренней лестнице на второй этаж. У камеры № 60 они остановились. Жандарм снял сначала огромный висячий замок железного засова, а затем большим ключом повернул внутренний замок двери. Иваницкий снова рукой указал на раскрытую дверь и произнес шаблонное «Пожалуйте». Горький вошел в камеру.

— Надо раздеться,— сказал Иваницкий.

Горький снял с себя верхнее платье.

— И белье,—прибавил полковник.

Алексею Максимовичу подали пару казенного белья, темносиний суконный халат, чулки и комнатные туфли на мягкой подошве. После обыска жандарм собрал все вещи Горького и сразу удалился. С грохотом закрылась дверь. Горький остался один. Камера была довольно велика: шесть метров в длину, ширина—более трех метров и около четырех метров—высота. Полуцилиндрический выбеленный потолок, свод которого начинал закругляться на высоте человеческого роста. Небольшое окно с железной рамой и частыми переплетами было заделано снаружи крепкой решоткой. Находилось оно почти под самым потолком. Небольшую фортку можно было открывать лишь с помощью специальной табуретки.

М. Горький после освобождения из Петропавловской крепости в 1905 году.

Поперек камеры, изголовьем к левой стене, стояла железная кровать, всеми шестью ножками вделанная в асфальтовый пол. На кровати соломенный тюфяк, казенного образца одеяло, небольшая подушка. Рядом с кроватью толстый железный лист, вделанный в стену, заменял стол. В углу у двери умывальник. Дверь изнутри обита железом. В середине двери открывавшееся в коридор окошечко для подачи заключенному пищи. Над окошечком прозурка, или глазок,—отверстие, с наружной стороны заделанное стеклом и прикрытое железной шорой. Бесшумно подойдя к двери и осторожно подняв шору, жандарм наблюдал за заключенным. Каменный пол был некогда выкрашен. Горький сразу заметил вдоль правой стены вытоптанную дорожку. И он представил себе заключенного, шагающего по камере взад и вперед среди жуткой тишины бастиона.

Двухэтажное здание тюрьмы ввиде пятиугольника располагалось параллельно фасам Трубецкого бастиона, высокие стены которого со всех сторон укрывали ее. Зимний день в бастионе бывал очень короток. Часам к трем в камере уже темнело. Когда зажгли свет, Горький рассмотрел электрическую лампу, вделанную в стену. Она была закрыта толстым стеклянным фонарем, несколько напоминавшим корабельный иллюминатор. Вспыхнувшая лампочка еще резче оттенила все убожество обстановки.

Редко кто из заключенных в крепости засыпал в первую ночь, которая всегда казалась бесконечно долгой. А жесткая постель причиняла Горькому еще особые неприятности: она была для него коротка. В полночь, среди могильной тишины, Горький услышал, как с высоты Петропавловского собора куранты отбивали «Коль славен». Бой был протяжный и длился четверть часа. Это были единственные живые звуки, доносившиеся извне. Потом все смолкло.

Утром в камеру принесли вещи Алексея Максимовича, ему предложили одеться, а затем вывели на прогулку. Гуляли заключенные во внутреннем пятиугольном дворе. В центре его находилась баня, по краям были посажены деревья. Летом зелень несколько оживляла мрачную обстановку двора бастиона. Но зимой деревья стояли голые, и это лишь усиливало общую тоскливость пейзажа. Горький вышел во двор. Началась прогулка, несколько даже развеселившая писателя. Караульный стал в центре, около бани, и не сводил глаз с гулявшего. А рядом с Горьким в ногу шагал жандарм. Стоило Горькому остановиться, откинув голову, взглянуть на небо, на золоченый шпиль собора, жандарм тотчас же делал то же самое. Прогулка длилась пятнадцать минут. По возвращении в камеру собственная одежда у Горького была отобрана. И так повторялось каждый день.

При посещении бани рядом с Горьким обыкновенно мылся караульный, а в дверях, обливаясь потом, стоял жандарм в шинели и шапке, наблюдая за заключенным.

В камере № 60 Горький провел несколько дней; затем его перевели в камеру № 39, где он пробыл до своего освобождения.

Первые дни пребывания в бастионе без книг, а главное, без письменных принадлежностей были очень тягостны для Алексея Максимовича. Он начал усиленно бороться за право получения того и другого. Для писания писем и заявлений заключенному давали бумагу, перо и чернила. Все написанное поступало непосредственно к комен-

книгу. Ни жандармы, ни караульные не имели права брать из рук заключенного что-либо написанное им. Для этого имелся специальный ящик, с отверстием наверху, запечатанный сургучной печатью коменданта. Неизменная двойка входила в камеру, в руках одного из жандармов был ящик, куда заключенный опускал написанное. Затем ящик уносили в комендантскую, где и вскрывали его.

После первого заявления Горькому разрешили получать книги из крепостной библиотеки. Затем он добился от коменданта крепости генерала Эллиса права получать книги с воли.

С первых же дней пребывания Горького в Трубецком бастионе здоровье его стало ухудшаться. Холодный каменный пол вызвал приступы суставного ревматизма, а общие условия одиночного заключения угрожали больным легким. Об этом Алексей Максимович сообщил на волю.

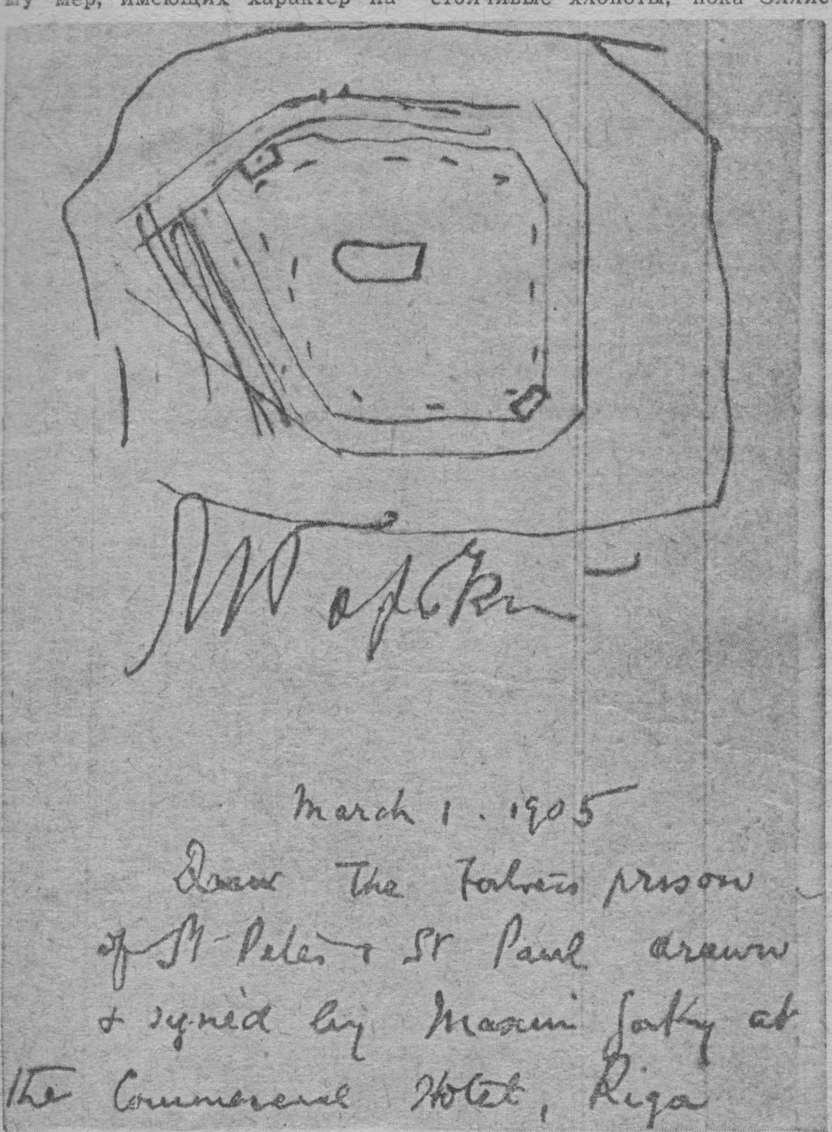
Е. П. Пешкова обратилась с заявлением в департамент полиции: «С двенадцатого января муж мой, писатель Алексей Максимович Пешков, содержится в Петропавловской крепости. Ему не позволяют носить обычное белье, не дают бумаги и чернил и тем лишают возможности работать. При состоянии его здоровья ношение арестантского костюма в камере с холодным полом может вызвать новый приступ болезни. Запрещение писать является стеснением, совершенно необъяснимым. Так как мой муж находится на положении подследственного, то применение к нему мер, имеющих характер наказания, считаю совершенно незаконным. Поэтому признаю себя вправе требовать, чтоб ему разрешили носить свое белье и платье и пользоваться бумагой, чернилами и перьями для работы».

Директор департамента полиции А. А. Лопухин согласился с доводами Е. П. Пешковой и в этом смысле обратился с письмом к генералу Эллису. Последний разрешил Горькому заниматься литературным трудом. Но в отношении собственного белья и платья комендант остался непреклонным.

В связи с указанием Е. П. Пешковой о вредном влиянии общих условий заключения на здоровье Горького комендант решил улучшить эти условия, увеличив пятнадцатиминутную прогулку до двадцати минут!

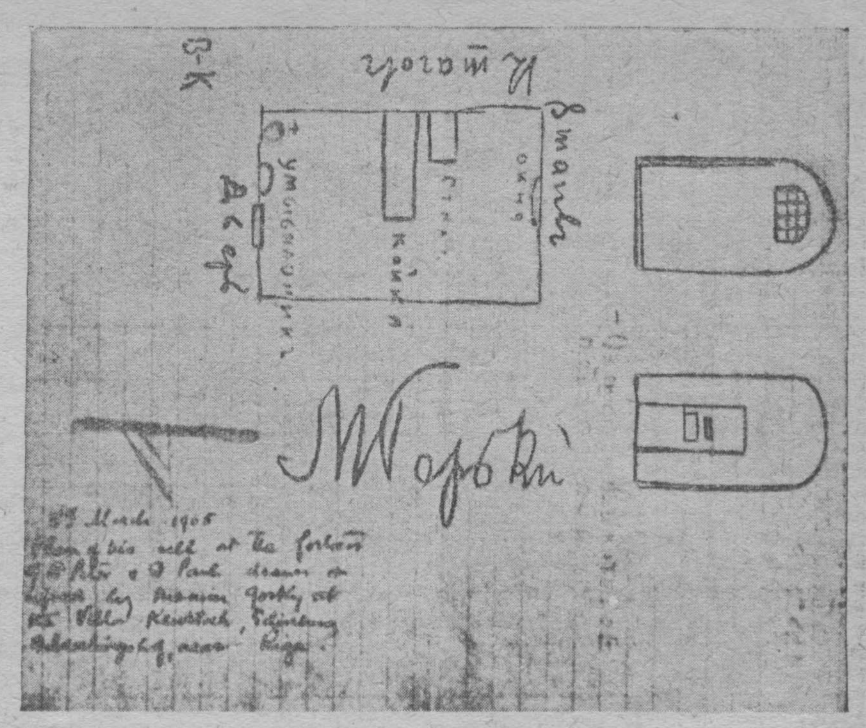
Раньше чем выдать Горькому письменные принадлежности, генерал Эллис, сообщив в департамент полиции, что Алексей Максимович намерен писать пьесу, запросил по этому поводу мнение Лопухина. Лопухин ответил согласием, с тем, однако, условием, «чтоб этот литературный труд был представлен в департамент полиции для просмотра».

Получив, наконец, письменные принадлежности, Горький усиленно занялся пьесой «Дети Солнца». Но тут ему пришлось столкнуться с новым препятствием. Днем в камере был полумрак, а, главное, Горький привык работать вечерами, а то и ночами. Заключенные же обязаны были в одиннадцать часов укладываться в постель. Начались снова настойчивые хлопоты, пока Эллис

План двора Трубецкого бастиона для прогулок заключенных.

Рисунок М. Горького

План камеры Трубецкого бастиона.

Рисунок М. Горького

разрешил Горькому работать до двух часов ночи.

С каким увлечением Горький писал «Дети Солнца», видно из того, что в течение пятнадцати дней пьеса в основном была закончена и переписана в двух экземплярах. «Дети Солнца» были закончены 11 февраля. На следующий день, утром, перед уводом Горького из крепости, рукопись была вручена коменданту. В течение двух дней генерал Эллис пытался прочитать пьесу, но сделать это так и не смог. 14 февраля, посылая два экземпляра пьесы в департамент полиции, он писал Лопухину: «Мелкий и очень неразборчивый почерк лишил меня возможности просмотреть внимательно работу Пешкова, но, бегло перелистав ее, я полагаю, что необходимо подвергнуть ее цензуре».

В начале заключения в крепость М. Горькому были разрешены свидания только с Е. П. Пешковой на общих основаниях, через две решотки. Затем на свидания стали допускать и К. Пятницкого. В статье «Дело о Горьком и 9-м Января» К. Пятницкий пишет: «Между двумя решотками стоял столик, за столиком сидел комендант Петропавловской крепости генерал Веревкин с часами в руках. На свидание давалось 10 минут. Разговор шел над головой коменданта. К счастью, генерал был совершенно глух; он нисколько не мешал нашей беседе».

Это сообщение Пятницкого не совсем точно, так как комендантом крепости был генерал Эллис и на свиданиях он никогда не присутствовал. Сидел же за столиком подполковник Веревкин, смотритель тюремного помещения, обязанный, в частности, подслушивать все, что творится в камерах. «Совершенно глухим» он уж никак не мог быть. И если Веревкин не мешал Горькому говорить о своем положении, то, вероятно, только потому, что был единственным человеком в тюрьме, знавшим фамилию и общественное положение Алексея Максимовича.

Под влиянием общих условий заключения здоровье Горького ухудшалось с каждым днем. Усиленная работа над пьесой, отсутствие свежего воздуха (двадцатиминутная прогулка для больного туберкулезом являлась просто насмешкой) — все это могло вызвать новый взрыв легочного процесса.

Кроме устных сообщений во время свиданий Горький отправил несколько тревожных телеграмм врачам, лечившим его на воле. Все это побудило Е. П. Пешкову снова обратиться в департамент полиции с ходатайством об освобождении Алексея Максимовича «ввиду обостряющегося у него туберкулеза легких». Это ходатайство было настойчиво поддержано Литературным фондом, а главное, мощным движением в защиту Горького в Европе и Америке. Под давлением всех этих факторов А. А. Лопухин обратился к коменданту крепости с просьбой сообщить мнение крепостного врача Зибольда «относительно названного арестанта и влияния на его здоровье содержания под стражей». Заключение Зибольда было отправлено в департамент полиции 9 февраля. Через два дня был решен вопрос об освобождении Горького под залог в десять тысяч рублей. 12 февраля М. Горький был переведен в Дом предварительного заключения, отсюда он был освобожден 14 февраля.

По освобождении Горького рукопись пьесы «Дети Солнца» ему не была выдана, что очень тревожило автора. 20 февраля Алексей Максимович писал Пятницкому: «Как насчет «Детей Солнца»? У меня сердце дрожит за судьбу этой штуки... Мне все кажется, что ее уничтожат не потому, что найдут вредным, а так, на зло». Но 25 февраля Пятницкий получил пьесу в полной сохранности и тогда же переслал ее автору. Горький отвечал: «А вот за то, что Вы так скоро выручили рукопись из пасти адовой — низкий поклон и глубокая благодарность. Страшно рад и сейчас же сажусь за отделку».

Как только стало известно об освобождении М. Горького, многочисленные корреспонденты поспешили повидать его в Риге. Одному из них он и нарисовал на корешках чековой книжки планы камеры в Трубецком бастионе и тюремного двора для прогулок.

ВОЙНА В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

1. ГОЛЛАНДИЯ. Воздушная бомбардировка аэродрома в Шипол. На снимке запечатлен момент попадания бомбы в здание, расположенное по соседству с аэродромом.

2. ГОЛЛАНДИЯ. Отступающие голландские войска взорвали мост. От жителей требуется акробатическая ловкость, чтобы перебраться на другой берег после наспех произведенного ремонта.

3. БЕЛЬГИЯ. Встреча бельгийских беженцев с английской артиллерией в пограничном городке.

1

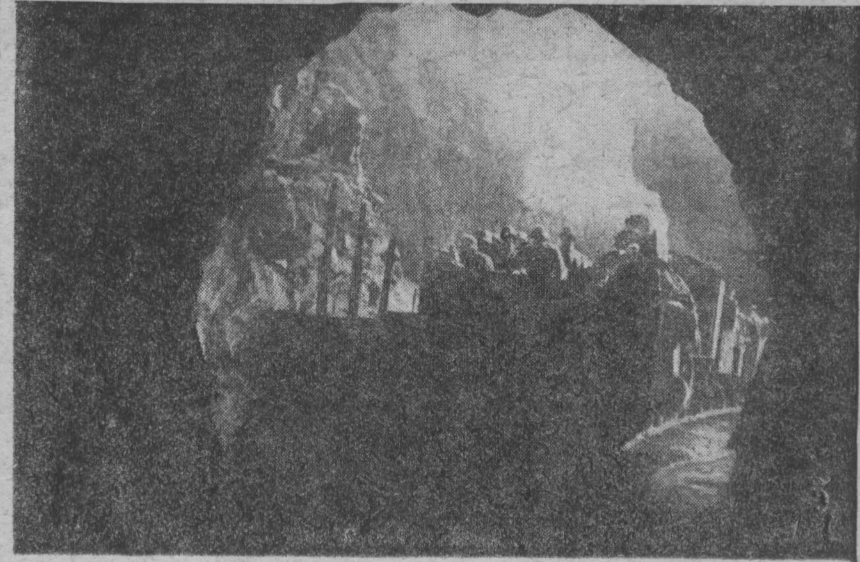

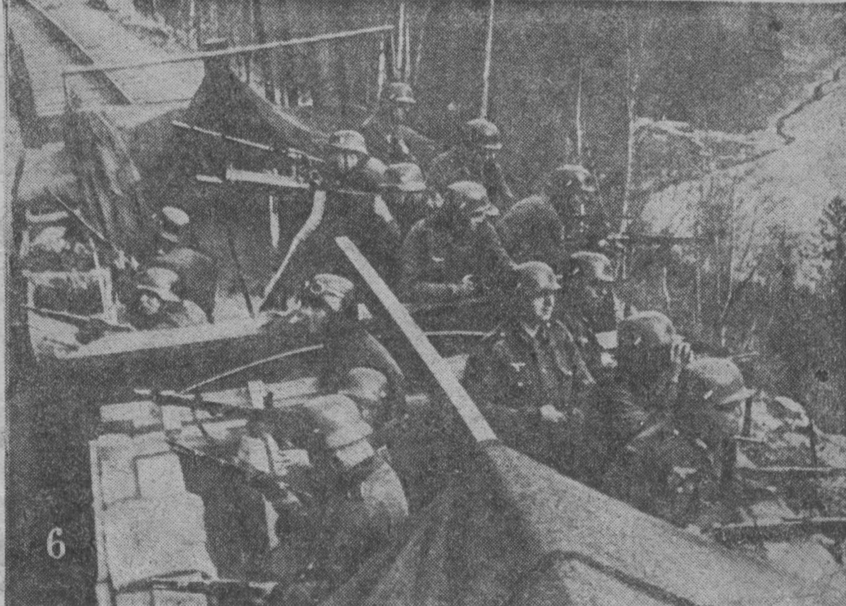
2

3

4. **ФРАНЦИЯ.** Дом в Нанси после воздушной бомбардировки.

5. **НОРВЕГИЯ.** Продвижение германских войск по железной дороге Осло — Берген. Поезд состоит из шести платформ: впереди платформа с балластом, на случай если путь минирован, затем следуют паровоз и платформы с войсками и ремонтной командой.

6. **НОРВЕГИЯ.** Одна из платформ поезда, показанного на снимке № 5.

7. **АНГЛИЯ.** Вследствие прекращения ввоза лесных материалов в Англии вырубают еще сохранившиеся там рощи. На снимке: чехословацкие беженцы на «лесоразработках».

Дела международные

Рис. Бор. Ефимова

„Аппетит приходит во время... нейтралитета". Американские дельцы с возрастающим усердием снимают золотые пенки с кровавого варева войны.

Богатый американский дядюшка, вопреки традиции, сам норовит сделаться наследником своей незадачливой европейской родственницы

Господа „социалисты" предполагают получить весьма ответственные посты в проектируемом „ведомстве по борьбе с коммунизмом".

„Сколько их! Куда их гонят?" Хоровод малопочтенных джентльменов, стремящихся побить их же собственные рекорды вранья и клеветы.

Рут Мак-Кенней

Репетиция

Возле ворот фабрики компании Огайо Инсулэйтор в Барбертоне (предместье Акрона) ранним зимним утром собирались группы мужчин. В толстых охотничьих шапках с наушниками и в тяжелых старых куртках они, притопывая ногами, расхаживали взад и вперед перед воротами, похлопывали руками, переговариваясь среди густой темноты. Девять недель они пикетируют ворота маленькой фабрики с тремястами рабочими, организованными на сто процентов. Каждый из этих людей, борющихся со снижением заработной платы, голоден,— и непонятно, на какие гроши существует каждый из них в течение ряда недель, а в домах нет угля, чтобы обогреть детей.

В это сырое утро рабочие собрались у ворот компании потому, что пронесся упорный и тревожный слух: шериф хочет пустить фабрику. Скользя по липкой грязи, стачечники перебрасывались словами: слуху они не верили, но лишняя предосторожность никогда не помешает. Они должны выиграть эту стачку.

С рассветом постепенно стал вырисовываться силуэт фабрики, защищенной железной оградой и воротами. Маленькие стандартные дома теснились по обеим сторонам узких улиц, идущих от фабрики.

Пока пикеты устало маршировали перед воротами завода, жители спали, но стачечникам видно было, как то здесь, то там зажигались в маленьких домиках огни, слышно было как доносились слабые звонки сердитых будильников. После 5 часов утра серый туман выполз из-за горизонта, постепенно притушив все огни просыпающегося жилья. Забастовщики оказались одни в густом тумане. Шесть тяжело нагруженных бронированных автомобилей шерифа чуть-чуть не наехали на линию пикета, прежде чем там заметили очертания автомобилей и услышали приглушенный шум мотора. Взявшись за руки, люди быстро выстроились перед главными воротами. В эти молчаливые часы рассвета забастовщики пожимали друг другу руки. У них не было оружия. У них не было ничего, кроме их собственной физической силы для защиты от опасности, подстерегавшей их в тумане. Но они решили использовать в качестве баррикады свои тела.

«Держите, ребята, линию, что бы ни случилось!» По рядам пикетов смутно пронесся ответ: «Есть! Есть!»

●

Ослепительный свет прожекторов брызнул внезапно с фабричной крыши. Беспорядочно движущиеся кучки забастовщиков стали при ярком освещении великолепной мишенью. Из тумана появилась группа людей в щеголеватой форме и в противогазах.

Раздалась отрывистая и резкая команда: «Огонь!»

Люди в противогазах подняли руки и кинули, как бросают ручные гранаты, какие-то объемистые предметы, которые они отцепили от своих блестящих военных поясов. Газовые бомбы ложились у ног забастовщиков, ударяли их по плечам, попадали в головы и, взрываясь, распространяли газ по всему фабричному двору.

Движение замедлилось. У одних стачечников руки с кирпичом повисли в воздухе: они вдохнули смертоносный газ. Другие, наклонившись за камнем, остались скорченными: клубы газа обожгли им глаза, нос и горло.

Забастовщики поспешно расходились. На их бегство больно было смотреть. Людей рвало, и они останавливались, сжимая свои выворачивающиеся от тошноты и боли желудки. Многие еще лежали ничком в грязи, хватаясь за горящее от боли горло. Среди медленно клубящихся газа и тумана стонали люди.

«Назад!» — раздалась военная команда.

В один миг место действия опустело. Только прожекторы попрежнему протягивали в туман свои ослепительно сверкающие пальцы. Забастовщики отступили.

●

Через квартал толпа остановилась. Кто-то начал резким голосом через импровизированный рупор отдавать приказания. Все принялись за дело. Женщины вбегали в дома и через минуту уже тащили старые умывальники и ведра для золы. С волосами, развевающимися по ветру, с губами, сжатыми от ярости, женщины несли и двигали свой домашний скарб к быстро растущей баррикаде.

Мужчины, потные, несмотря на холод и сырость, тащили с ближних свалок огромные бревна. В работе участвовали все. Через 15 минут все боковые улицы, выходящие к заводу, были перегорожены барьерами из сломанных стульев, старых и ржавых печей, ведер для золы, предохранителей от старых фордовских автомобилей, бревен и поваленных телефонных столбов. Полковник Джо Джонстон (он же главный комиссионер в штате Огайо от химической компании), занимавшийся производством газовых бомб, наблюдал за этими строительными работами в бинокль.

Он дал сигнал. Команда по метанию газовых бомб в строгом порядке вышла из ворот; первый залп газовых бомб был дан по шумной, кричащей толпе. Крики замерли. На мгновение не стало слышно ни звука. Люди даже не убегали.

Команда дала второй залп. Газ белыми волнами пополз по прилегающим к фабрике улицам, настигая коренастых низеньких женщин и их худеньких маленьких ребятишек, и вливался в глотки детей, которых матери держали на руках. Женщины спотыкались, пытаясь бежать, они прикрывали лица своих малюток краем шарфа или большой ладонью своих мозолистых рук. Детей рвало, и они жалобно плакали.

Бомбометчики неотступно шли вперед. Толпа перед ними таяла. Все остальные звуки покрывал отчаянный крик: «Мама, мама, ма-ма!» — крик, мучительный для ушей женщин, потерявших в суматохе своих детей. Ни один звук не был таким резким и болезненным, как этот испуганный вопль шестилетнего ребенка, отравленного слезоточивым газом, крик о помощи, внезапно приглушенный подступающей к горлу тошнотой.

Полковник Джонстон и его люди двинулись по направлению к баррикадам, дав еще один залп газовых бомб. Улица была почти пуста. Какая-то девочка с искалеченными ногами передвигалась на своих маленьких деревянных костылях с той быстротой, с какой ей позволяли двигаться ее хилые плечики. Газовая бомба упала прямо к ее ногам. Девочка опрокинулась наземь. Задыхаясь и плача, она глубоко вдыхала едкий газ. Забастовщик выскочил из соседнего дома и подобрал несчастную девочку. Газовая бомба попала ему в ноги, но он все же доковылял до безопасного места.

Агенты шерифа усиленно трудились над почти разрушенными баррикадами. Они растаскивали в сторону стулья, ведра, как вдруг издали донесся странный глухой звук, подобный тому, который слышится в раковине. Звук стал ближе, и агенты подняли головы, чтобы лучше слышать. Полковник Джонстон поспешно скомандовал: «Назад, марш!»

Толпа, возглавляемая забастовщиками, завернула за угол. На этот раз выступили в поход мужчины Барбертона. Они шли с дубинками, булыжниками и кирпичами. Рты у них были завязаны носовыми платками, которые они время от времени погружали в воду, чтобы сохранить их сырыми. Агенты шерифа, бросая газовые бомбы, поспешно отступали. Мужчины подхватывали бомбы до того, как они успевали разорваться и отбрасывали их назад. Агенты заохали: «В меня попало!» У них не было противогазов.

Полковник Джонстон отвел своих людей за ворота, пытаясь сохранить некоторый порядок. Было 4 часа дня. Шериф выглянул через окно и сказал: «Боже мой, да здесь весь город!»

Весть о газовой атаке на детей и женщин Барбертона распространилась по Акрону. Сотни и тысячи рабочих разнесли эту новость по рабочим районам. Теперь уже город готовил наступление на прорванные пикетные линии. Сейчас каждый рабочий в районе был поднят на ноги. Распространилась весть: «Возле Огайо Инсулэйтора отравляют газом ребят. Подымайтесь!» Это был призыв к оружию.

●

Барбертонский центральный рабочий союз созвал экстренное собрание. У многих делегатов были перевязаны головы, многие носили темные очки для защиты глаз, пораженных газом. Слабый запах слезоточивого газа носился над собранием. Запах исходил от пятен на одежде мужчин, тесно усевшихся в передних рядах.

«Мы созвали это собрание,— сказал председатель,— чтобы поговорить о всеобщей забастовке. Есть предложение выступить завтра, если не прекратятся газовая атака и другие способы нападения. Кто хочет высказаться?»

Большинство делегатов говорило о путях и способах проведения всеобщей забастовки. Председатель терпеливо заметил: «Первым делом нам надо поговорить о том, хотим ли мы ее. Чудной вы народ: забегаете вперед. Разговор об этом будет позже».

«Чорт возьми,— отвечали ораторы,— есть ли здесь хоть одна крыса, которая собирается голосовать против всеобщей стачки?»

Комиссии было предложено информировать шерифа Флоуера о том, что если он не согласится на немедленное 48-часовое перемирие, то в 6 часов утра забастует весь город. Другая комиссия составила списки профсоюзов, назначила распорядителей генеральной стачки и наметила способы, с помощью которых не нарушатся питание больных в госпиталях и сигнализация для уличного движения. Остальные делегаты собрались в кружок, ожидая известий от шерифа.

Автомобиль комиссии подъехал к кварталу, прилежащему к фабрике Огайо Инсулэйтор. Машина остановилась, и члены комиссии пошли к воротам, щурясь от яркого света. Сверху спускался парашют, несущий факел, который призрачным светом освещал весь Барбертон. Это был военный световой сигнал из тех, которые употреблялись при ночных атаках во время мировой войны. При этом свете тысячи людей кружили по улицам. Они громко и вызывающе кричали по адресу трепещущих от страха агентов на фабрике. Время от времени раздавалось шипенье газовой бомбы. У шерифа Флоуера иссякали боевые припасы.

Комитет Центрального рабочего союза требовал перемирия. Шериф вышел к воротам. Шум затих.

«Вот он вышел, вонючка» — заорали мужчины.— «Вот он, желтый грязный выродок. Убить его мало!»

Шериф вздрогнул. Его квадратное лицо было озабочено. Запас газовых бомб кончался, и одному богу известно, что будет дальше. Правда, на фабрике еще запрятаны пулеметы... Шериф смертельно устал от всей этой войны. Переговоры были короткие. Перемирие на 48 часов должно было разрешить массовое пикетирование перед воротами. Иначе с перемирием будет покончено, а акронские мужчины, ей-ей, драться умеют. Пускай шериф сам выбирает. Перемирие с разрешением массовых пикетов или открытая война со всеобщей стачкой утром. Шериф сказал, что ему надо это обдумать. Комиссия требовала немедленного решения. Скрепя сердце шериф ответил, что с перемирием он

согласен, а с пикетированием — нет. Члены комиссии рассмеялись.

«Это, чтобы мы позволили им привести штрейкбрехеров,— ворчал один из профсоюзников,— вы что же думаете, мы кучка сумасшедших?»

«Ладно»,— сказал шериф и провел усталой рукой по лбу.

•

Весь первый день перемирия рабочие организованно собирались у ворот завода и маршировали в пикетных линиях.

На второй день представитель фирмы Мансфильд, родственной корпорации, выступил, наконец, от имени компании. Он твердо заявил, что компания отказывается вести переговоры или прибегать к услугам арбитража. И если шериф Флоуер снова согласится на перемирие, компания думает вызвать национальную гвардию (войска штата).

Шериф Флоуер, информированный об этом заявлении, был задет за живое. После всего, что он сделал, компания говорит о национальной гвардии. Телефон на фабрике звонил довольно часто и все шерифу. Каждый республиканский политик в графстве Саммит звонил ему, чтобы подчеркнуть, что он идиот.

«Лучше бы вы убрались отсюда скоренько,— сообщали насмешливые голоса обалдевшему шерифу,— пока вы окончательно не подорвали свою репутацию... Слушай, друг, весь город на тебя злится». Во второй день перемирия, вечером, Гражданский комитет созвал массовый митинг барбертонских жителей для принятия резолюции о продлении перемирия. Но митинг разошелся с ним во мнениях. Ораторы один за другим восклицали: «Зачем продолжать перемирие? Пора им всем убираться с фабрики! Мы не станем защищать армию крыс, пришедших туда, чтобы отравлять газом наших ребят. Пока они здесь, они угроза миру».

Выступил коренастый Фрэнсис Гергард, вождь рабочих спичечной фабрики. Он высказался против нового перемирия.

Другие ораторы говорили о том, что со стороны шерифа было законно закрыть предприятие. Таково предписание судебных властей графства. В конце концов был избран комитет шести. Этот комитет должен был вызвать шерифа и сказать ему, чтобы он убирался с фабрики, а не то будет иное. А иное — это всеобщая стачка.

На следующее утро шериф вывел своих людей и вывез боевые припасы. Для сохранения мира предприятие было закрыто до дальнейших распоряжений. Агенты, изрядно ошарашенные, выходили из ворот к линиям пикета, где они сменяли усталых забастовщиков. В полном боевом снаряжении агенты смущенно становились на вахту, которую стачечники держали в течение долгих 9 недель. У них были и винтовки и газовые бомбы, для того чтобы задержать и не пустить на предприятие ни штрейкбрехеров, ни даже служащих компании.

«Никто,— сказал шериф, стараясь вернуть себе прежнюю внушительность,— не имеет права ни войти, ни выйти».

Служащие компании ответили взрывом гнева, а Центральный рабочий комитет угрюмо заявил: «Призыв к генеральной стачке брошен. Наши люди отзовутся по первому предупреждению. Мы решили объявить стачку сразу же, если спорные вопросы не будут урегулированы в самое ближайшее время».

На следующий день все барбертонцы и тысячи акронцев вышли на большую демонстрацию Центрального рабочего союза. Тысячи членов союза маршировали с песнями. Излюбленной была «Мы повесим Джима Флоуера на дикой яблоне».

Люди шли непрерывным потоком. В толпе виднелись маски, изображающие шерифа. Безумная радость охватила всех, когда стачечники Огайо Инсулэйтор, многие еще в повязках, быстро пробегали мимо с гордо поднятыми головами, высоко вздымая свое профсоюзное знамя.

Демонстрация длилась два часа. Многие из демонстрантов несли наспех написанные лозунги «Мы за всеобщую стачку!»

Демонстрация окончательно протрезвила компанию Огайо Инсулэйтор и всех других дельцов в Барбертоне и, понятно, в Акроне. Вскоре после парада забастовщики, уверенные теперь в том, что будут держать фабрику взаперти до тех пор, пока ад не замерзнет, обратились за разбором своего дела к вновь созданному Вагнеровскому бюро трудовых взаимоотношений.

Народ выгнал людей с газовыми бомбами из города. Народ закрыл компанию Огайо Инсулэйтор. Пусть призадумается над этим каждый, кто захочет атаковать линии пикетов посредством газовых бомб.

Члены союза выиграли свою генеральную репетицию.

М. Рыльский

МОРЕ И СОЛОВЬИ

I

В зеленой бухте солнце и дремота,
Совсем вдали дымится пароход,
За ним замкнулись дальних волн ворота,
И даже ключ потерян от ворот.
И дышит, дышит тяжкой грудью море,
А этот мир, раскинутый кругом,
Так несказанно ясен и просторен,
Как для ребенка материнский дом.
Гора в тумане словно шевелится,
И шевелится тень на берегу,
И прямо в волны залетают птицы,
И море словно в розовом снегу.

II

Волны морские в искрах,
Только в свою тетрадь
Солнечных бликов быстрых
Я не могу поймать.
Все с сказкой схоже очень
О рыбке золотой.
«Чего ж, рыбак, ты хочешь?» —
Я слышу над волной.

III

Где-то рядом зазвенело
Песни умной торжество:
Соловей — он знает дело,
И поэтому так смело
Льется песня у него.
На скамье сижу в покое
И слежу за соловьем:
Что он сделает такое?
И поют передо мною
Соловьи уже вдвоем.

* * *

Яблоки покрыла позолота.
Я приехал в незнакомый край.
— Чужестранка молодая, кто ты?
— Отгадай!
— Дай воды напиться, чужестранка.
Знак любви есть в этом для меня.
Я повесил на сучок берданку,
Я к платану привязал коня.
Я смотрю в глаза ей, и заботы
Листья падают на дно души.
И на сердце счастья позолота,
И склонились тихо камыши.

Перевел с украинского НИК. УШАКОВ

Пятрусь Бровка

ПЛЫВИ, МОЯ ПЕСНЯ, ДАЛЕКО...

Плыви, моя песня, далеко,
По всем океанам плыви...
Над миром пылают высоко
Кремлевские звезды Москвы.
Как символ счастливейшей доли
Звезд алых не меркнет огонь,
Зажглись они сталинской волей
И мудростью светлой его.
В кремлевскую звездную пристань
Со всех параллелей земли
Сквозь сумрак, холодный и мглистый,
И штормы идут корабли.
Проходят они непогоду,
В Москве их приветствует день —
Там Сталин живет и народы
Поют о Москве и вожде.
Там гордые синие выси,
Там нет ни «своих», ни «чужих»,
Там люди, как братья, сошлися,
Чтоб в дружбе и радости жить.
Там песни, как соколы, вьются
И счастье на лицах людей,
Там искренно любят, смеются
И не сдаются в беде.
Плыви, моя песня, далеко,
По всем океанам плыви...
Над миром пылают высоко
Кремлевские звезды Москвы.

Перевел с белорусского БОРИС БЕНДИК

ПОЭТЕССЫ АЗЕРБАЙДЖАНА

Фото Я. Босина

В прекрасной поэзии Азербайджана, с которой москвичи близко познакомились в дни декады азербайджанской литературы, громко звучат голоса поэтесс Мирварид Дильбази, Р. Нигяр и ашуга Набад Джавадовой.

Орденоносец М. Дильбази — автор нескольких книг стихов. В ее стихотворениях, написанных для детей, много теплоты и своеобразия. Недавно опубликованная ею поэма «Коба» повествует о юности вождя народов, о годах подпольной большевистской работы товарища Сталина в Баку.

Р. Нигяр — поэтесса высокой культуры и подлинной самобытности. Она издала несколько сборников, одна книга ее стихотворений вышла в Москве в переводе на русский язык.

Сельская девушка Набад Джавадова — ашуг. А в понятии «ашуг» сочетаются и поэт, и музыкант, и певец-импровизатор. Она талантливо импровизирует лирические песни.

Во вдохновенных песнях трех подруг звучат радость свободы, труда и любви, дочерняя преданность матери-родине.

Ашуг Набад Джавадова

ЖУРАВЛИ

Куда летите чутким косяком,
Скажите, не скрывайте, журавли?
Смогли вы горы крыльями закрыть...
Скорее запевайте, журавли!
Весна — ваш друг, зима — жестокий
враг,
Зимой цветы погибнут на горах...
Увидя ястребов, забудьте страх,
За облака взлетайте, журавли!
Любовь Лейли глаза мои таят.
Когда не сломят вас пурга и град,
Вы ласковую песенку Набад
Родному передайте, журавли!

Перевел с азербайджанского
ПАВЕЛ ПАНЧЕНКО

Мирварид Дильбази

ПТИЦА ЖИЗНИ

Ты мне пела далекой-далекой весной.
С этих пор я напевом весны пленена.
Пусть всегда, напоенная запахом роз,
Будет жизнь моя утром весенним полна.
О, начни! О, запой! Я услышу опять
В этой песне разбуженный голос весны.
Ни паденье листвы, ни снежинок полет
В нем ни разу еще не бывали слышны.
Если стану я думать о жизни своей,—
Миллионы желаний взлетят над столом.
Продолжай свою песнь. В гюлистане [1]
страны
Мы с живительным солнцем в соседстве
живем.
Ни буран и ни град не стучатся к тебе,
Желтый день листопада к тебе не войдет.
Только тот понимает и слышит тебя,
Кто в стране незакатного счастья живет.

Перевел с азербайджанского
ИОСИФ ОРАТОВСКИЙ

[1] Цветущий сад.

Р. Нигяр

СОНА

Ты долго небом шла. Твой путь
лежал далек.
Ты Млечный путь пропила наискосок
И в Кремль вошла. И поднесла венок
Вождю. В нем были сплетены
Бесчисленные радости страны.
Возьми из песен лучшую, Сона!
Пусть прошлое тебя не мучает, Сона!
Лишь улыбнешься ты — страна
смеется вся!
Твое имущество — и горы и леса,
Твои ковры — поля и небеса!
И о тебе поет, восхищена,
Сааза изумленная струна,
Цвети же радостью невиданной, Сона!
Такой, как ты, не выдумать, Сона!
Планетой маленькою орден на груди —
Тебя Союз почетом наградил,
И возраст твой почет опередил!
И славы отблеск на твоей судьбе,—
Так говорят в народе о тебе!
Так думают товарищи, Сона!
Как далеко до старости, Сона!
Пусть девушки, такие же, как ты,
Парят пилотами на крыльях высоты
По параллелям звездной красоты!
Пусть песня завоеванных высот,
Закутанная в облако, плывет!
Легендой песни о тебе звучат, Сона!
О наших девушках так говорят, Сона!

Перевел с азербайджанского
М. СВЕТЛОВ

С. Гарин

СТАЛИНГРАДСКИЙ ТРАКТОРНЫЙ

Первый трактор Сталинградского завода пришел в Москву. Его показывали делегатам заседавшего во время пуска СТЗ XVI с'езда ВКП(б).

Общий вид городка Сталинградского тракторного завода. На переднем плане — здание цирка.

Фото В. Микоша

На фото справа: тракторы в Павильоне механизации на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке.

Фото М. Маркова

Нижний поселок Сталинградского тракторного завода, раскинувшийся на берегу Волги, еще до сих пор называют американским. Это дань времени. Здесь жили американские специалисты, которых пригласили консультировать строительство первого тракторного гиганта. Они купались в экзотической «Вольге», акуратно, но бесстрастно выполняли свои обязанности и мало верили в торжество большевистской «затеи».

Со стороны поселка открывается прекрасный вид на Волгу. Широкая спокойная река, чуть подернутая рябью, неторопливо несет мимо свои воды. Хорошо здесь!

Однажды небольшая группа работников завода сидела на крутом берегу. День уходил. Гладкая поверхность реки порозовела, потом стала багровой, будто на нее опрокинули ковш расплавленного металла. Над островом пролетела стая уток. Свист крыльев разрезал вечернюю тишину. Хотелось созерцать далекий горизонт и мечтать.

Молчание нарушил мистер Н. Он сказал:

— Вместо завода я построил бы здесь хороший яхт-клуб, разбил парк и открыл несколько ресторанов.

— Почему же вместо завода? — спросил молодой слесарь Ваня Нестеров, приехавший сюда в числе «семитысячников»-комсомольцев. — Яхт-клуб здесь скоро будет, парк, как видите, тоже разбивают. Вон сколько деревьев насажали... А в ресторанах, кажется, недостатков нет...

— А потому яхт-клуб, — раздраженно сказал американец, — что сегодня, как и вчера и позавчера, в цехе сломали несколько автоматов! Сталь, которую привозят на завод, никуда не годится. Люди, которым доверили оборудование, ничего не умеют делать. Значительно проще покупать тракторы в Америке, чем портить здесь оборудование...

В это время послышался отдаленный гул. На дороге показалась диковинная машина. Полугрузовик-полутрактор, поблескивая свежей зеленоватой краской и стеклами фар, мчался, оставляя за собой облака едкой степной пыли. В кузове сидели какие-то люди. Когда машина приблизилась к нам, из кабины выглянул знакомый инженер. Он размахивал руками и что-то прокричал нам.

— Чему он радуется? — спросил американец.

— Смотрите, говорит, на новое детище завода, — ответил я.

Американец покосился в сторону машины, которая в это время взлетела на крутой пригорок и скрылась в кустарнике. Американец пожал плечами:

— Чудеса! Еще колесные тракторы не освоили, а уже собираются гусеничные изготовлять. Несерьезно...

Машина вспугнула наш покой. Солнце, вода, утки — все забылось. Мы заговорили о заводе, заспорили. Мистер Н. холодно доказывал несостоятельность намеченных заводом планов. Он говорил о том, что пройдут десятилетия, прежде чем накопится опыт, без которого немыслимо производство таких сложных машин. «У вас не умеют как следует выкрасить машину, а мечтают бог знает о чем... На ваш завод привозят материалы из других городов в чемоданах, а хотят, чтобы четко работал конвейер». Американец разошелся, но его брюзжание не вызывало спора: мы привыкли к тому, что эти господа не верили в пятилетку. Даже в зарубежной печати писали тогда: «Ввиду провала Сталинградского тракторного Советскому Союзу снова придется закупать тракторы заграницей, а заграница их, может быть, не даст, дабы погубить советскую пятилетку» (канадский журнал «Кэнэдиен фарм Имельменте»).

Мистеру Н. не стоило возражать еще потому, что дела на заводе шли не так уж плохо.

Вчера днем в цех пришел Климент Ефремович Ворошилов. Рабочие, не прекращая сборки, восторженно приветствовали гостя. Конвейер продолжал свой путь. Рамы тракторов постепенно обрастали узлами и деталями, напоминая собой огромных, еще не оперившихся птенцов. Вот головной трактор вошел в красильную камеру. Через минуту он показался на конвейере нарядный, блестящий — еще один новорожденный трактор. Когда в нем зарокотал мотор, к красильной камере подходила следующая машина. За ней еще и еще... Нарком посмотрел на часы:

— Пять минут! Интервал подходящий...

Уже несколько дней конвейер работал четко, выпуская 140—150 машин за две смены. Тысячи деталей, составляющих сложный организм трактора, шли к сборке не рывками, а спокойными, непрерывными потоками. Технология и организация поточно-массового производства постепенно подчинялись воле молодого коллектива. Люди преодолевали невероятные трудности. Не хватало материалов, нередко отдельные детали приходилось привозить из других городов пассажирскими поездами. Страна еще не располагала мощной качественной металлургией и смежными предприятиями для снабжения автотракторной промышленности. Большинство рабочих СТЗ впервые пришло на производство. Вчерашние строители, колхозники стали к станкам, автоматам, пневматическим молотам, к сложным, «умным» машинам, которых нельзя было перехитрить неучам: они подчинялись лишь тем, кто знал их до последнего винтика.

Изучая новую технику, люди улучшали ее, отбрасывая в сторону все наносное, лишнее. Этому способствовало то, что советским рабочим была тесна узкая специализация, насаждаемая законодателем поточного производства — Генри Фордом. Кузнец хотел знать неизмеримо больше того, что требовала от него выполняемая работа. Литейщик изучал преимущество литейной детали над кованой, он хотел знать, чем отличается ковкий чугун от литейного. Сборщик стремился в свободное время научиться управлять трактором, чтобы во время отпуска в своем колхозе проверить качество машины в работе. Столкнувшись с новой техникой, сталинградцы не растерялись и смело ринулись вперед, вооружаясь знаниями.

В экспериментальной машине, которая промчалась мимо нас, кроме специалистов, находились представители окрестных колхозов. Завод даже на первом этапе освоения новой техники готовился к выполнению более сложных задач. Налаживая производство колесных тракторов, коллектив завода готовился перейти на выпуск гусеничных, тщательно проверяя свойства новой машины, приспосабливая ее к условиям социалистического земледелия. Процесс вдохновенного творчества, происходивший в многотысячном коллективе завода, не замечали лишь сердитые господа, предсказывавшие советской тракторной промышленности мрачные перспективы.

* * *

Десятки тысяч людей посещают ежедневно Павильон механизации на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Среди восторженных отзывов посетителей есть немало похвал иностранцев, в том числе и американцев, говорящих «об удивительных способностях русских людей, научившихся делать первоклассные машины в такой поразительно короткий срок».

Машины, выставленные на стендах, действительно поражают мощью, красотой, высокой культурой отделки. Советская тракторная промышленность ушла далеко вперед, оставив позади себя крупнейшие страны с высокоразвитой техникой. Кроме своей обычной продукции наша тракторная промышленность производит дизельные, газогенераторные и другие замечательные машины. Все самое передовое, самое сложное современной техники впитали в себя советские тракторные гиганты — Сталинградский, Харьковский, Челябинский. Здесь есть и продукция с маркой «СТЗ имени Ф. Э. Дзержинского». За десять лет своего существования завод сыграл выдающуюся роль в техническом оснащении социалистического сельского хозяйства.

Трактор «СТЗ-НАТИ».

Фото А. Маклецова

17 июня 1930 года с большого конвейера СТЗ сошел первый трактор, радостно встреченный всей страной. В своем приветствии коллективу завода товарищ Сталин выразил мысли и чувства советского народа. Вождь писал: «Привет и поздравления с победой рабочим и руководящему составу первого в СССР краснознаменного тракторного гиганта. 50 тысяч тракторов, которые вы должны давать стране ежегодно, есть 50 тысяч снарядов, взрывающих старый буржуазный мир и прокладывающих дорогу новому социалистическому укладу в деревне. Желаю вам успеха в деле выполнения вашей программы».

Когда смотришь на эти прекрасные машины, мысли невольно возвращаются во дворцы-павильоны Выставки, где в потоках колхозного изобилия отражены победы нового, социалистического уклада в деревне, которому проложили путь двинувшиеся на целину десять лет назад мощные советские тракторы — «сталинские снаряды».

В год пуска Сталинградского тракторного завода в Советском Союзе насчитывалось свыше семи тысяч машин.

В течение десяти лет Сталинградским заводом выпущено свыше двухсот тысяч колесных и десятки тысяч гусеничных тракторов.

На Выставке представлена не только продукция заводов сельскохозяйственного машиностроения, но и лучшие их люди: стахановцы, многостаночники, изобретатели и рационализаторы. Люди Сталинградского тракторного! Ими гордится вся страна. Это они построили завод, освоили невиданную до того времени американскую технику, усовершенствовали ее и ушли далеко вперед. Биография рабочего Червякова характерна для многих: он заливал бетоном фундамент завода, потом строил его, учился, стал инженером, руководителем важнейшего производственного участка. Сталинградский завод подготовил кадры для десятков других предприятий, созданных после него сталинскими пятилетками. Производственная культура отражается теперь в таких изобретениях, как автоматическая линия слесаря Иночкина.

К десятилетию завода рабочий Иночкин практически осуществил свое замечательное изобретение. Автоматическая линия, построенная по принципу гидравлики, — это шеренга станков, обрабатывающих детали без участия людей. Деталь автоматически загружается через бункера, подается на первый станок, автоматически закрепляется на нем, обрабатывается, снимается, переходит от одной операции к другой, со станка на станок, вплоть до автоматической погрузки на тележки. Деталь обрабатывают пять автоматов. Автомат-многостаночник — это не только чудо русской смекалки, это — детище советской технической культуры.

Иночкина называют мечтателем.

Да, он мечтает о том времени, когда один человек сможет управлять работой сотен механизмов, выполняющих свои функции автоматически, связанных непрерывным технологическим процессом. Мечты эти недалеки от действительности.

«Я в колхозе родилась
И на славу удалась...» —
с такой песенкой выступала пятилетняя Тоня Битюкова на утреннике детского сада № 25 в Курске.

Фото А. Богданчикова

ИГРЫ НАШИХ ДЕТЕЙ

Игры детей говорят об интересах страны не хуже книг. Дети народов Севера играют в охотников, дети американских городов — в бандитов и полицию.

Наши дети играют в «Чапаева», в играх открывают новые земли и строят города, живут в лагере челюскинцев и зорко охраняют границы.

Они остроумно используют «реквизит» детских садов, строя из бумаги и картона то заставы, то пароходы. И как удачно воссоздают дети в играх любимые жизненные образцы (фото в кругах)!

Даже детская радость иногда омрачается. В играх огорчает то, что всегда много желающих быть пограничниками, но нет охотников изображать нарушителей границы. Всегда есть мощная Красная Армия, и никогда не удается набрать белую. И только в игре в «дрейф Седова» довольны все: и экипаж «Сталина» и экипаж «Седова». Здесь только одно затруднение: все хотят быть самим Папаниным.

Л. Никулин, А. Фадеев

ПЕРЕКОП

ЭПИЗОДЫ ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО СЦЕНАРИЯ

1. ВЕСНА 1920

Севастопольский рейд. Константиновская батарея. Сильный прибой, начало шторма.

На горизонте линейный корабль. Держит курс на Севастополь. Это линейный корабль британского флота «Император Индии». У кормового флага английский матрос на часах.

Перед зеркалом в уборной адмиральской каюты сидит человек с длинным лицом—тип остзейского немца. Его бреет парикмахер, матрос в английской форме. Не торопится.

Адмиральская каюта. На столах карты. Пять человек вокруг стола: адмирал Сеймур — командующий британскими морскими силами в Черном море, граф де Мартель—верховный комиссар Франции при «Правительстве Юга России», французский генерал Молле, английский сэр Роберт Лесли и полковник Дюваль — штабной офицер при генерале Молле.

Адмирал Сеймур, склонившись над картой:

— Наиболее выгодное направление удара—это Кубань—Дон, с тем чтобы отрезать Кавказ, Баку. Нас нельзя упрекнуть в том, что эта операция в наших интересах. Но здесь обеспечена поддержка казаков.

Молчание. Генерал Молле:

— Баку—это нефть, не правда ли?

Французы улыбаются: часы бьют десять.

Сеймур глядит на часы:

— Он не задержит?

Дюваль:

— Нет, он не задержит.

Бритье в уборной адмиральской каюты идет к концу. Парикмахер снимает салфетку с бреющегося.

Адмиральская каюта. Те же пять человек. Граф де Мартель над картой:

— Мы предпочли бы направление удара на Украину — Донбасс. Вряд ли можно упрекнуть Францию в том, что этот план продиктован ее интересами. Но здесь мы поражаем противника в его самые жизненные центры и идем на соединение с Польшей.

Сэр Роберт Лесли с полным пониманием дела:

— Донбасс—это уголь, не правда ли?

Сеймур улыбается.

Граф де Мартель:

— Я думаю, он готов?

Дюваль:

— Да, он готов.

Уборная адмиральской каюты. Бритье кончено. Клиент английского парикмахера встал. Ему подают верхнюю одежду. Это белая черкеска. Он надел черкеску, пояс, кинжал, глядится в зеркало.

Парикмахер:

— Я имел честь служить вашему предшественнику, барон.

Барон вопросительно глядит на парикмахера.

— ...генералу Деникину, барон. Мы увозили его из Новороссийска на этом же корабле.

Врангель бросает быстрый взгляд на парикмахера. Что это — ирония? Нет. Парикмахер почтительно склонился перед ним. Дверь открывается. В выжидательной позе стоит полковник Дюваль. Делает пригласительный жест. И еще раз окинув себя взглядом в зеркале, Врангель идет к выходу.

Адмиральская каюта. Все встают, с поклоном пропускают вперед Врангеля. Он первый поднимается по парадной лестнице на палубу.

Музыка играет встречу. На палубе делегация: белогвардейский генералитет, генералы Борщевский и Кутасов, чиновники, господа в сюртуках. Нестройное господское «ура». Дамы подносят цветы. Человек в вицмундире, треуголке и с лентой через плечо:

— Ваше превосходительство, барон Петр Николаевич! Прежде чем вы ступили на родную землю, позвольте в вашем лице приветствовать главнокомандующего вооруженными силами юга России и пожелать успеха вашему великому делу. Мы обращаемся со словами благодарности к нашим высоким друзьям и союзникам: широкое русское спасибо! Вы привезли нам богатыря, который объединит Россию...

В стороне генерал Молле и полковник Дюваль смотрят на церемонию. Дюваль:

— Опять «единая неделимая»? Как это понимать?

Молле:

— Ну, как вам сказать... вроде единого и неделимого Китая...

Врангель отвечает на приветственную речь:

— Твердо верю, что скоро будет освобождена земля родная... От лица народа и армии я обращаюсь к вам, наши друзья и союзники: Россия не забудет вашей благородной и бескорыстной помощи...

Звонкий голос:

— Катер главнокомандующего!

Как пущенная мина, катер летит к берегу.

Гремит оркестр. Крики «ура».

Над берегом плывет колокольный звон.

На флагштоках здания штаба взвиваются флаг командующего вооруженными силами юга России и рядом флаги британской и французской военных миссий.

2. ОСЕНЬ 1920

КРАСНАЯ АРМИЯ НАСТУПАЛА НА ВРАНГЕЛЯ С ВОСТОКА И С СЕВЕРА. ЭТО НАСТУПЛЕНИЕ БЫЛО ПОДДЕРЖАНО УДАРОМ ОТ НИКОПОЛЯ И ЗАВЕРШИЛОСЬ СТРЕМИТЕЛЬНЫМ МАРШЕМ ОТ КАХОВКИ—НА ЮГ, НА ПЕРЕКОП.

Утро. Небольшой городок Джанкой на Крымском полуострове. Единственный в городке двухэтажный дом—гостиница. О том, что было в этом доме раньше, напоминает только круглый белый фонарь над подъездом и надпись на фонаре: «Номера Джанкой».

На крыше, на высоких флагштоках, английский, французский и трехцветный, царского времени, флаги. У подъезда три пары часовых: сенегальские стрелки, англо-индийские сипаи и офицеры корниловского полка.

Вдоль тротуара вбиты в землю колья, опутанные колючей проволокой.

Кабинет Врангеля. Он принимает доклад двух старичков—генерал-лейтенантов Аникеева и фон Валь.

Негромко, про себя, читает бумаги, которые ему передал Аникеев:

— «Военно-полевой суд при главной квартире... в закрытом заседании слушал дело о Николаеве, Юрченко, Божко, Штейне... на основании 16-й статьи Уголовного Уложения, приговорил к лишению всех прав состояния и смертной казни через...» Это кто—севастопольские? Фабричные?

Аникеев кивнул головой. Врангель рассеянно:

— Утверждаю.

Пишет на приговоре: «Утверждаю».

Аникеев говорит вскользь:

— Тем более, ваше превосходительство,—они повешены еще вчера.

Широко раскрываются двери кабинета. Непринужденно входят сэр Артур Лесли и генерал Молле.

Врангель встает, обращается к ним:

— Несколько минут, господа...

Они садятся в стороне.

Врангель генералу фон Валь:

— Что у вас?

Фон Валь напыщенно и с достоинством:

— Распорядок вступления войск нашей армии в древнюю столицу... в Москву. На ваше благоусмотрение и утверждение.

Иностранцы заинтересовались.

Фон Валь читает:

— «Войска направляются по окружной дороге и вступают в столицу со стороны Александровского—бывшего Брестского вокзала, проходя через триумфальную арку и направляясь далее по Тверской улице, мимо дворца московского генерал-губернатора к часовне чудотворной Иверской божьей матери, на Красную площадь, в следующем порядке...»

Иностранцы с достоинством слушают.

Забрызганный грязью автомобиль останавливается у подъезда. Из автомобиля выпрыгнул генерал Борщевский. Он небрит, сапоги в грязи, ничего не осталось от прежнего, щегольского вида. Бросился в подъезд. Ему отдают честь только караульные офицеры-корниловцы.

В кабинете Врангеля. Генерал фон Валь продолжает чтение:

— «Корниловский, Марковский, Дроздовский полки, Донской корпус, Кубанский корпус... (читает невнятно, шамкает). Караулы в покоях главнокомандующего несут офицеры сводного гвардейского полка...»

Врангель посмотрел на иностранцев. Они слушают с невозмутимым видом.

Фон Валь продолжает:

— «Караул в покоях супруги главнокомандующего несут лейб-атаманы сводного Донского полка...»

Хлопнула дверь. Без доклада входит Борщевский. Он остановился на пороге, и до него долетели слова генерала фон Валь, читающего доклад:

— «Караул в Большом Кремлевском дворце несут георгиевские кавалеры...»

Но тут же все увидели Борщевского и вопросительно глядят на него.

Борщевский тяжело дышит, выпил воды. Наконец, произносит:

— Отступаем, с трудом сдерживая напор Первой Конной... После боя под Отрадой все перевернулось... Если подойдут части Ястребова к Федоровке, части Кутасова будут окружены и отрезаны от перешейков. Дело решается буквально часами...

Врангель молчит... Молчат иностранцы. Борщевский с удивлением глядит то на них, то на Врангеля. И тогда Врангель с волнением встает и почти кричит, обращаясь к сэру Лесли и Молле:

— Я просил у вас два корпуса. Только два корпуса, ваши превосходительства... Не доводите вы до конца, господа! Ведь идет большая игра, по крайней мере для вас! Ведь ставка в этой игре—Россия, со всеми богатствами, с недрами, хлебом, лесом... игра стоит свеч... и два корпуса!

Молле встает с места и говорит в раздражении:

— Мы вам дали все: артиллерию, танки, бронепоезда, аэропланы, великолепное снаряжение. Франция признала вас... Наши инженеры укрепили Перекопский перешеек и сделали его неприступным.

Старички-генералы в полном смущении отступают к дверям и незаметно исчезают, чтобы не присутствовать при таком откровенном разговоре.

Молле:

— Мы отдали приказание нашей эскадре идти в Карт-Казацкий залив. Наши крейсера будут стрелять по наступающим.

Врангель—Борщевскому:

— Возвращайтесь в штаб. Докладывайте о положении через четверть часа.

Борщевский исчезает.

Врангель в страшном волнении:

— Неужели отрежут Кутасова?

Сэр Артур Лесли пожал плечами. Потом с невозмутимым видом произносит:

— Во всяком случае, Перекоп неприступен.

3. НОЯБРЬСКАЯ НОЧЬ

Ограда кладбища у самого Турецкого вала. Идет ожесточенное сражение у проволочных заграждений, где «чистильщики» сделали проходы.

Атакующие цепи красноармейцев падают, скошенные огнем пулеметов.

Французские крейсера из Карт-Казацкого залива обстреливают наступающих. Тя-

желые снаряды морских дальнобойных орудий крошат татарские памятники на кладбище.

Группа людей наблюдает за ходом атаки. Это Фрунзе и сопровождающий его.

Ординарец говорит Фрунзе:

— Право, уйдите, товарищ командующий, здесь опасно.

Фрунзе:

— А где же в бою безопасно?

В это мгновенье откатывающиеся назад цепи атакующих останавливаются и залегают среди памятников татарского кладбища.

Фрунзе видит комбрига Кузнецова.

— Ну, что у вас, товарищ Кузнецов?

Кузнецов обернулся. Видит Фрунзе. Радость мелькнула на лице Кузнецова:

— «Чистильщики» пошли,—говорит он,— не дают им резать проволоку. Сейчас динамитом рвать будем.

И оба напряженно глядят вперед.

Командир полка Матвеенко и два бойца почти дошли до проволоки. Бойцы закладывают заряды динамита.

Матвеенко:

— Так не пойдет. Надо ближе.

Боец:

— А как ближе? С динамитом идем. Попадет в тебя, пыли ж не останется.

Матвеенко задумался:

— Зато проход сделаем...

И вдруг стремительным броском выдвинулся вперед. Он почти у проволоки. Упал. Белые открывают по нем огонь, забрасывают гранатами смельчака.

Фрунзе и Кузнецов напряженно следят за ним. И вдруг столб пламени поднимается у самой проволоки, где залег Матвеенко. В воздух летят колья. Крики «ура» раздаются на стороне красных.

Кузнецов снял папаху. Говорит с грустью:

— Пал смертью храбрых.

Фрунзе:

— Кто это?

Кузнецов:

— Матвеенко. Шахтер. Вы его знали.

Фрунзе обнажил голову, с глубоким волнением:

— Прощай, друг! Прощай, голубчик, прощай...

Волна атакующих все же разбилась о проволочные заграждения. Снова откатывается назад.

Красноармейцы узнают Фрунзе. Один из бойцов кричит:

— Стой, тут командующий!

Фрунзе:

— Что ж, бойцы, отомстим за товарища Матвеенко!

И он берет протянутую ему винтовку.

Только что поредевшая, отброшенная цепь бойцов вдруг обретает силу и устремляется вперед. Во главе ее Фрунзе.

Они устремились в прорыв, сделанный погибшим героем Матвеенко.

Атакующие у прорыва. Здесь залегла горсточка людей во главе с Кузнецовым. Приближается штурмующая колонна. Кузнецов узнает человека, который ее ведет, и кричит:

— Командующий в бою! Товарищ Фрунзе в бою!

Фрунзе с винтовкой в руках идет в цепи атакующих.

Колонна атакующих устремляется в прорыв и сметает белые резервы.

Загремело «ура».

По откосу вала, в ров, скатываются одна за другой волны атакующих и сразбегу поднимаются на крутой откос Турецкого вала.

На гребне вала появляются силуэты бойцов. Радостное и победное «ура».

Идет бой за Турецкий вал.

Телефонист белых, закрывая ухо, чтобы лучше слышать, переспрашивает:

— Убит? Убит?..—опустил трубку и говорит штабным офицерам:

— Убили генерала Кутасова,—и вдруг, теряя самообладание, истерически кричит:— Прорыв, красные в тылу Турецкого вала!— падает, оглушенный ударом, который ему нанес его начальник.

Но уже поздно. В штабе паника.

Из блиндажа выскакивают растерянные офицеры, и по окопам проносится:

— Буденновцы! Красные в тылу!

Все поворачиваются, в ужасе глядят назад, в ту сторону, откуда идет их гибель.

Фрунзе в грязи, в расстегнутом полушубке, окруженный командирами.

— Перекоп взят!—кричит Кузнецов и, не сдерживая радости, обнимает Фрунзе.

Они целуются. И вдруг Фрунзе обращается к только что приблизившейся группе командиров:

— Перекоп взят. А вы, что же, дорогие мои... Вперед на Чонгар! И чтобы утром были в Джанкое!

С добродушной, чуть лукавой усмешкой:

— Ведь опоздаете, друзья. Им вся слава, а вам...

Как по команде командиры частей, стоящих у Чонгара, бросаются к своим коням.

Паническое бегство белых у Перекопа. Кто-то из генералов пробует остановить их. Это Борщевский. Он приказал шоферу поставить поперек дороги свой автомобиль.

— Назад! У нас еще Юшуньские позиции. Назад, сволочи!

Другая волна бегущих нажимает.

— Пошел к чортовой матери! Они в Джанкое!

— Чонгар пал!

И сотни рук поднимают, переворачивают автомобиль и сбрасывают его вместе с Борщевским с насыпи дороги.

Диорама «Бой у Чонгарского моста».

Работа художников Г. Горелова и А. Куликова.

Ансамбль песни и пляски Белорусской государственной филармонии исполняет шуточную белорусскую народную песню «Кума моя, кумочка».

В. И. Владомирский

Народный артист БССР

ИСКУССТВО БЕЛОРУССКОГО НАРОДА

Белорусское искусство! Горькой иронией звучали эти слова в условиях царизма, когда Белоруссия была глухой российской окраиной, «краем лесов и непроходимых болот». Однако сокровища белорусской народной поэзии, музыки, сам народ, издревле славившийся своими певцами, одаренный большой музыкальностью,— все это говорило о ярком творческом духе белоруссов.

Октябрьская социалистическая революция, мудрая ленинско-сталинская политика обеспечили расцвет подлинно народного искусства, полного пафоса освобожденного труда, пафоса великой борьбы за солнечное будущее человечества. Только в нашей стране искусство и его работники окружены исключительным почетом и вниманием. Советское искусство — самое передовое, самое идейное, самое революционное. Радостно создавать культурные ценности, зная, что они пойдут на пользу всему народу. Радостно творить в нашей стране, в обстановке общего внимания и поддержки.

Прекрасной иллюстрацией того, как расцветает искусство народов Страны советов, может послужить декада белорусского искусства, начатая 5 июня в Москве. Со сцен Большого театра Союза ССР и филиала МХАТ имени Горького перед лицом всей страны демонстрировали мы, артисты Белоруссии, окрепшее за последние годы, национальное по форме и социалистическое по содержанию белорусское искусство.

Белорусский государственный театр оперы и балета в Минске.

В письме великому Сталину белорусский народ писал:

«У народов республики клубы, театры,
Бесконечность талантов, несчетность кружков,
Кинофабрика, парки, чудесные кадры
Музыкантов, артистов, поэтов, певцов».

Волей большевистской партии, неустанно заботящейся о расцвете искусства, Белоруссия обогатилась Государственным театром оперы и балета. В Минске построено громадное здание театра.

Сейчас в коллективе театра свыше 800 человек. В его составе 45 солистов.

За два года созданы три оперных и один балетный спектакль, в художественной форме отражающие историческое прошлое белорусского народа, народа-героя, народа-борца, пронесшего через века свою культуру, язык, волю к победе, ненависть к врагам.

Опера «Михась Подгорный» композитора Е. Тикоцкого (постановка режиссера Златогорова) в ярких образах воскрешает жизнь белорусской деревни накануне Великой Октябрьской социалистической революции. «В пущах Полесья» А. Богатырева (постановка Шлепянова) рассказывается о борьбе белорусских партизан с белополяками в годы гражданской войны.

В опере «Цветок счастья» композитора Туренкова замечательно использованы мотивы народной музыки, мотивы белорусского фольклора. В этой чудесной сказке рассказывается, как долго искал народ цветок счастья в ночь на Ивана Купалу. На своем собственном опыте народ понял, что счастье можно найти только в борьбе с притеснителями, с поработителями.

Сцена из II акта балета «Соловей» в Государственном белорусском театре оперы и балета. Зоська — заслуженная артистка БССР А. В. Николаева, Симон — артист С. В. Дречин (стоит), Макар — артист Я. И. Вепринский.

Балетмейстер А. Ермолаев по музыке композитора М. Крошнера создал один из сильнейших спектаклей декады — «Соловей». В этом спектакле много свежести, непосредственности. Умело использованы народные танцы.

В театре выросли талантливые исполнители. Среди них надо прежде всего отметить народную артистку БССР Л. П. Александровскую. Ее Надейка из оперы «Цветок счастья» и Марыся из оперы «Михась Подгорный» живут на сцене настоящей жизнью.

Заслуженные артисты республики Р. В. Млодек, С. Друкер, И. Болотин, Л. Алексеева, М. Денисов, А. Николаева, З. Васильева, артисты Дречин, Хираско, Пукст, Кроз и многие другие справедливо завоевали любовь белорусского зрителя.

Государственный театр оперы и балета БССР — это не периферийный театр, копирующий столичные спектакли. Это театр, стоящий на уровне столичных, занятый творческими исканиями, полезными для всего искусства Советского Союза.

На второй день после изгнания белополяков из Белоруссии в 1920 году в Минске открылся I белорусский драматический театр. За двадцать лет своего существования окреп коллектив этого театра. В Москву театр привез спектакли: «Партизаны» и «Кто смеется последним» белорусского драматурга К. Крапивы, «Гибель волка» Э. Самуйленка и «Последние» М. Горького.

В «Партизанах» рассказывается о зверствах белопольских орд, оккупировавших Белоруссию, о нечеловеческом отношении польских магнатов к крестьянству. В этой пьесе белорусский народ сплачивается под знаменами партии Ленина—Сталина, чтобы разгромить врага. Значение этой пьесы не только в том, что она правдиво рисует страницы прошлого, но и в том, что она как бы предупреждает о готовности белорусского народа всегда выступить на защиту неприкосновенности рубежей своей родины.

«Гибель волка» трактует тему о коварных методах врагов народа, о шпионской деятельности подлых буржуазных националистов. «Гибель волка» — пьеса о стойкости и мудрости народной, о безграничной любви народа к партии, к советскому правительству.

Третья пьеса, «Кто смеется последним», — яркая комедия, принадлежащая перу талантливого драматурга Кондрата Крапивы. Действующие лица пьесы живут в атмосфере клеветы, наушничества, ловко используемой лжеученым в личных целях. Сатирическая сила пьесы захватывает зрителей, заставляет их смеяться и негодовать.

Внедряя принцип глубокой психологической характеристики каждого сценического образа, ведя борьбу со всякого рода штампом и схематизмом, театр творчески самоопределился. В его коллективе воспитался ряд сильных актеров.

Народный артист БССР Г. П. Глебов раскрывает свое мастерство в двух спектаклях: «Гибель волка» и «Кто смеется последним». Для Глебова характерно уменье лепить образ скупыми выразительными жестами.

Л. Ф. Жданович, заслуженная артистка БССР, талантливо играет и в классических пьесах («Последние» М. Горького) и в современных. Ее творчество разнообразно, многогранно, богато оттенками.

Заслуженные артисты республики Л. Г. Рахленко, М. А. Зорев и артист Н. К. Санников завоевали любовь зрителя не только как ведущие актеры, но и как режиссеры-постановщики спектаклей, созданных за последние годы.

Несколько лет назад о таком спектакле, как «Последние», нечего было и думать. «Последние» — спектакль высокой культуры. Основное достоинство коллектива и постановщика спектакля заслуженного артиста БССР М. А. Зорева в том, что они смогли донести до зрителя глубину чувств горьковских людей.

Сцена из пьесы Э. Самуйленка «Гибель волка» в постановке I белорусского государственного драматического театра.

Большую творческую работу проделала за годы своего существования Белорусская государственная филармония.

Белорусские композиторы Любан (автор знаменитой песни «Бывайте здоровы, живите богато»), Пукст, Золотарев, Полонский, Аладов, Чуркин, Щеглов и другие создали ряд великолепных произведений, с успехом исполняемых художественными коллективами Госфилармонии.

В показе белорусского искусства участвовали и представители западных областей БССР.

Крестьянский хор села Большое Полесье, Барановичской области, существует 20 лет. Но что это было за существование?! Собирались обычно где-либо за околицей села, пели несмело песни на родном языке... И если случалось услышать песню панскому сынку, или осаднику, или старосте, об этом сообщалось полиции, и тогда накладывали на хористов штраф. Бывало и так, что за пение белорусских песен заключали в тюрьму. 17 сентября 1939 года этот хор как бы вновь родился. Хор разучил им самим написанную песню: «Нам прислала Москва подкрепление», которую сейчас распевают во всех западных областях, освобожденных Красной Армией.

В дни декады москвичи могли познакомиться и с изобразительным искусством белорусского народа. В произведениях живописи, скульптуры и архитектуры представлены работы лучших наших художников. В них отражены историческое прошлое Белоруссии, современная счастливая жизнь народа и своеобразная красота белорусского пейзажа. На выставке представлены работы художников Пашкевича, Зайцева, Декальской, Тихановича, Моносзон, Дучиц, Красовского, скульпторов Азгура, Грубе, Орлова и других.

Декада белорусского искусства в Москве — самое большое, значительное и яркое событие в культурной жизни белорусского народа.

С чувством громадной радости выступали мы в Москве перед советской общественностью, перед руководителями партии и советского правительства.

Наш приезд в Москву еще сильнее подчеркнул необходимость неустанно повышать свою культуру, работать еще лучше, работать так, чтобы партия, чтобы товарищ Сталин сказали: хорошо.

Народная артистка БССР Л. П. Александровская в роли Марыси (опера Тикоцкого «Михась Подгорный»).

Сцена из III акта оперы «Цветок счастья» в Государственном белорусском театре оперы и балета.

Л. Бать

СУРЕН КОЧАРЯН

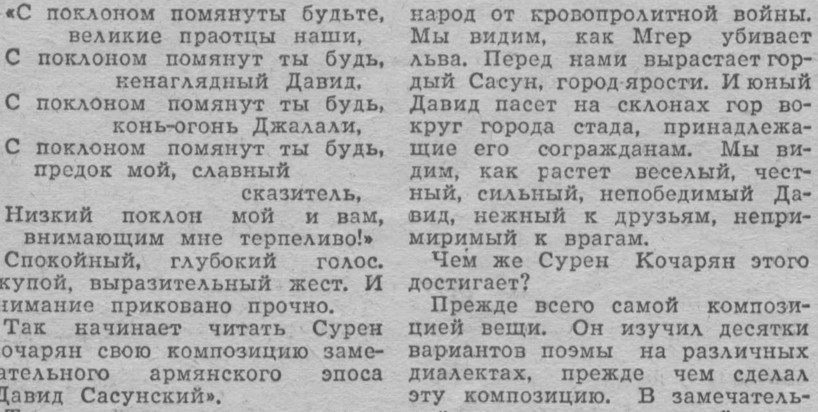

Фото С. Шингарева

«С поклоном помянуты будьте,
великие праотцы наши,
С поклоном помянут ты будь,
ненаглядный Давид,
С поклоном помянут ты будь,
конь-огонь Джалали,
С поклоном помянут ты будь,
предок мой, славный
сказитель,
Низкий поклон мой и вам,
внимающим мне терпеливо!»

Спокойный, глубокий голос. Скупой, выразительный жест. И внимание приковано прочно.

Так начинает читать Сурен Кочарян свою композицию замечательного армянского эпоса «Давид Сасунский».

Тысячу лет назад народные толпы в Армении слушали эту поэму от сказителей, вдохновенно передававших ее под звуки саза из уст в уста, из поколения в поколение. И также с запевки начинали они.

В борьбе армянского народа против его поработителей, за свободу, за национальное самоопределение слагались строфы этой монументальной поэмы, этого гимна героям, борцам за народное счастье. Центральной фигурой среди них высится веселый и мужественный, справедливый и сильный Давид Сасунский.

Донести до современного слушателя всю мощь и обаяние этого замечательного народного произведения — задача, на которую может решиться актер, обладающий большим и разнообразным дарованием.

Вспомним слова знаменитого французского чтеца и писателя Легувэ: «Актер—это солист, играющий в оркестре; чтец составляет весь оркестр: он должен изобразить словами целую картину, а это такая обязанность, труднее которой не существует».

И вот мы присутствуем при замечательном осуществлении этой обязанности. Сурен Кочарян, как скульптор, лепит свои образы. Слово произносится так, что за ним немедленно встает картина: пейзаж, люди, события.

И мы по-настоящему волнуемся за прекрасную Цовинар-Ханум, вышедшую замуж за грозного халифа, чтобы спасти свой народ от кровопролитной войны. Мы видим, как Мгер убивает льва. Перед нами вырастает гордый Сасун, город-ярости. И юный Давид пасет на склонах гор вокруг города стада, принадлежащие его согражданам. Мы видим, как растет веселый, честный, сильный, непобедимый Давид, нежный к друзьям, непримиримый к врагам.

Чем же Сурен Кочарян этого достигает?

Прежде всего самой композиции вещи. Он изучил десятки вариантов поэмы на различных диалектах, прежде чем сделал эту композицию. В замечательной поэме, принадлежащей перу великого грузинского поэта Шота Руставели, «Витязь в тигровой шкуре» есть эпизод, рассказывающий о том, как герои ее из несметных сокровищ, обнаруженных ими в завоеванной стране, «забрали с собой лишь столько, сколько в силах были понести на себе».

Так же и Кочарян выбрал из сокровищницы поэмы «Давид Сасунский» отдельные строфы, сохранив при этом всю стройность поэмы, всю полноту сюжетных разветвлений, побочных интриг, лирических отступлений и сделав в то же время физически возможным донести ее до слушателя в один вечер, не утомляя его внимания.

Голос Кочаряна то нежный и бархатно-мягкий, то стальной, то грохочущий. Иногда его голос обрушивается на вас, как лавина, потом входит в спокойное русло и вдруг рассыпается целым каскадом брызг в искрящейся шутке. Каждое действующее лицо имеет свой тембральный и ритмический рисунок, и эта звуковая характеристика делает образ выпуклым, видимым.

Жест. Он настолько ярок, что, когда в редких случаях свободным, широким движением Кочарян дорисовывает слова, это получается чрезвычайно убедительно. Его жест всегда точен и уместен, потому что он органически связан с текстом.

Ярко запоминается, как пластическим и стремительным движением Мгер убивает льва, как, потягиваясь, просыпается ленивый и изнеженный Мсрамелик, как, сгибая ноги в коленях, смиряется конь-огонь Джалали перед силой и мужеством нового своего хозяина — Давида Сасунского.

Сурен Кочарян очень любит Джалали, эпического коня, олицетворяющего преданность, храбрость, стремительность; он прекрасно «играет» его и привлекает к нему горячие симпатии слушателя. Прекрасный конь—любимый образ сказок всего мира!

Но и голос, и жест, и выразительная мимика приобретают такое богатство красок благодаря исключительной силе творческого темперамента, которым чтец владеет столь же совершенно, как Давид Сасунский — необузданной горячностью своего коня.

Хотя Кочарян — и не импровизатор, но он и не находится в плену у текста. Он так передает основной дух и идеи исполняемых произведений, что приобретает право на свободную перестановку целых частей.

Эти свойства его дарования в какой-то мере определяют своеобразие и разнообразие его репертуара. Наряду с поэмами «Давид Сасунский», «Витязь в тигровой шкуре» Руставели, «Шах-Намэ» Фирдоуси, он читает лирику Пушкина, и новеллы Бокаччио, и армянских классиков: Туманяна, Нар Доса, Сундукяна—и современных поэтов.

Мы остановились так подробно на исполнении Кочаряном «Давида Сасунского», как на одной из последних его работ, прекрасно характеризующих все своеобразие его жанра.

Сейчас Сурен Кочарян наряду с другими работами готовит и Маяковского.

«Нужно в произнесении каждого слова Маяковского найти и передать не только тот пафос революции, с которым поэт говорил о ней, но и наполнить этот пафос могучей эмоциональностью, свойственной поэту, только тогда имеешь право читать его»—вот задача, поставленная себе Кочаряном.

В. Фефер

«ВАСИЛИСА ПРЕКРАСНАЯ»

В сказках народ всегда высказывал свои сокровенные надежды и чаяния на светлое будущее. Мужественность, бесстрашие, простота и лукавый юмор свойственны его любимым героям. В союзе с природой они всегда выходят победителями в борьбе со злом, попирающим и угнетающим народ.

«Фольклору совершенно чужд пессимизм, — говорил на I Всесоюзном съезде советских писателей Максим Горький, — не взирая на тот факт, что творцы фольклора жили тяжело, и мучительно рабский труд их был обессмыслен эксплоататорами; а личная жизнь — бесправна и беззащитна. Но при всем этом коллективу как бы свойственно сознание его бессмертия и уверенность в его победе над всеми враждебными ему силами. Герой фольклора «дурак», презираемый даже отцом и братьями, всегда оказывается умнее их, всегда победитель всех житейских невзгод».

Для тематики русских народных сказок чрезвычайно характерны патриотизм и оптимизм. И не случайно поэтому авторы сценария картины «Василиса Прекрасная» — Г. Владычина, О. Нечаева и В. Швейцер — старались подчеркнуть эти моменты.

Сказки «Царевна-лягушка» и «Василиса Премудрая», положенные в основу сценария, дополненные рядом коллизий из других сказок, составили единое сюжетное произведение. Ведущий герой Иван (крестьянский сын) — популярнейший герой народных сказок. В его образе олицетворены народная мудрость, вера в свои силы, героизм русского народа. Он борется со Змеем Горынычем не только за свое личное счастье, но и за счастье родины.

•

На зеленом лугу сидят три старика-гусляра. Тихо звучат струны гуслей... Лето. Плывут по тихому озеру лебеди. По берегу идет охотник Иван — крестьянский сын. Два его старших брата — Антон и Агафон — смеются над младшим братом:

— Как охота, Ивашка, серая сермяжка?

С деланным смирением Иван говорит о своих неудачах, но потом показывает богатую добычу — белку и куницу.

Старик-пахарь ждет своих сыновей. Ему трудно заниматься домашним хозяйством: все валится из рук. Он приказывает сыновьям жениться, завести хозяек.

За околицей отец дает сыновьям лук и стрелы и завязывает им глаза, приговаривая: «Стрела метка, лети легка, ищи путь-дорогу к невестиному порогу».

Стрела Антона попадает в стрельчатое окно боярского дома; стрела Агафона — в петушка на крыше дома купеческого; стрела Ивана летит над лесом и попадает в лесное озеро, со дна медленно появляется большая изумрудная лягушка. Так получают братья себе невест: дворянскую дочь Беляндрясу, купчиху Маланью и лягушку — иванушкину невесту.

Лягушка превращается в Василису Прекрасную и рассказывает, как Змей Горыныч, разгневавшись, что она не пожелала стать его женой, похитил ее и обратил в лягушку. Маланья и Беляндряса сожгли лягушечью кожу, и Василиса должна вернуться в плен к Змею Горынычу. Иван дает себе клятву освободить русскую землю от Змея Горыныча и вызволить невесту из страшного плена.

Он едет добывать себе булатный меч, спрятанный далеко, за тридевять земель, в колодце возле трех дубов. После ряда приключений Иван добывает меч, надевает рыцарские доспехи, вскакивает на белого коня и мчится в ущелье, где огромное трехголовое чудище Змей Горыныч ждет часа, чтобы расплатиться с дерзким «лапотником-деревенщиной».

Все три змеиных головы отрубает в бою Иван. Берет Василису, сажает ее на коня и мчится в родимую сторонушку.

Несется конь по русским равнинам, лесам, рекам. Светлеют поля, и льется широкая русская народная песня.

Фильм-сказка разделен на две части: первая — бытовая, с некоторым сказочным элементом, и вторая — полностью фантастическая.

Артистка В. Сорогожская в роли Василисы Прекрасной.

Герои фильма — Иван, человек с большим сердцем и простой душой, и Василиса, энергичная, трудолюбивая и полная очарования русская девушка,— вызывают у зрителя самую глубокую симпатию. Вот почему зритель радуется их успехам, когда они, попав из страны кудрявой березы в мрачное, полное зла и насилия темное царство Змея Горыныча, одерживают победу.

Во вступительной части картины старики, играющие на гуслях, поют, что в сказке не только «есть дела дивные, чуда чудные», но «есть и правда народная». Эта правда отчетливо показана в трудовых мотивах. Вся семья отца-крестьянина трудится в поле, сыновья еще и охотятся, а отец ведет все хозяйство. Когда сыновья приводят невест, отец говорит: «...а теперь принимайтесь за хозяйство». У дворянки и купчихи сразу исчезают улыбки с лиц, они протестуют, но отец непреклонен: «А вы, невестушки, принимайтесь за работу, пшеницу сожните да в копны снопы уложите, а поутру нас встречайте». И уходят косцы — старик и сыновья.

«Как у него язык повернулся, ухват старый»,— ворчит Беляндряса. Чуть не плачет Маланья: «Пшеницу жать. Да я сроду работой рук не тревожила, мухомор сморщенный».

Работают косцы. Косы режут траву. Жнет только одна Василиса. Она жнет пшеницу и поет народную песню про березоньку, про родину: «Над страной родимой не погаснет зоренька, чужеземному не согнуть березоньку».

Стоит в снопах убранная пшеница. Слова невест, которые якобы всю ночь трудилися рук не покладая, глаз не смыкая, вызывают одобрение отца: «Невестушки, ну и хозяюшки, нынче же свадьбу справим».

Так сливаются в этих сценах реалистические и фантастические мотивы.

Поборов вражеские силы, Иван и Василиса поют песню о надеждах народа на светлое будущее. И когда герои идут в финале картины к солнцу, к радостной жизни по освобожденной земле, зритель ощущает, что сейчас сказка, рожденная много лет тому назад, сделалась былью.

Кадры из фильма: вверху — Иванушка мечет стрелу заветную; внизу — Иванушка со своей невестой, Василисой Прекрасной, обращенной Змеем Горынычем в лягушку.

Артист С. Столяров в роли Иванушки.

«МОРАЛЬ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ»

Война в Европе выдвинула самые неожиданные проблемы быта. В «солидной» лондонской газете «Дейли телеграф», например, появился ряд писем в редакцию, разбирающих вопрос о недопустимости ставших столь распространенными в лондонских театрах эстрадных танцовальных номеров, по ходу действия которых танцовщица раздевается донага. Так перед английским читателем была поставлена проблема «театральной морали военного времени».

Приводим выдержки из некоторых писем, проливающих свет на условия, в которые бывают поставлены хористки и танцовщицы балета в угоду этой «морали»:

«Сэр, грубые и вульгарные танцы, сопровождающиеся сальными шутками и комментариями конферансье, едва ли могут способствовать поднятию культурного уровня зрителя.

Кроме того здесь есть и другая сторона. Мне стало известно, что при заключении контракта с артистами их вовсе не предупреждают о том, что дирекция потребует от них выступления такого сорта. В случае отказа выступить артистка немедленно увольнялась. «Что же делать,— заявила мне одна из таких хористок,— не оставаться же нам на улице и подыхать с голоду? Приходится соглашаться. Вы ведь понимаете, что такое безработица!»

Мне думается, что война вовсе не обусловливает необходимости падения морали до такой низкой ступени. С уважением, Реджинальд Стэмп».

Наряду с такими письмами в редакцию стали поступать высказывания иного порядка от видных театральных тузов и даже некоторых членов парламента. В осторожных выражениях они утверждают, что «вредного в фривольных сценках ничего нет. Это производит освежающее впечатление»; «наша жизнь так сера, что требуются какие-то возбуждающие моменты» и т. п. Некоторые корреспонденты призвали библию в защиту неприличных танцев, приводя в качестве аргумента тексты из Ветхого завета!

●

Владельцы ателье мод подготовляют лондонскую публику к подлинному перевороту в области дамской одежды. Изгоняются яркие цвета, и устанавливаются бледные, блеклые, сероватые тона. Вы спросите: почему? На этот вопрос английская печать могла бы ответить кратко: «Идет война, химические концерны и фабрики красящих веществ работают на войну и не имеют возможности выпускать яркие краски для материи. Нужды войны определяют сейчас моды на ближайшее время». К тому же блеклые, серые краски дешевле...

●

В Париже в мире мод также не унывают. Там эта проблема поставлена на подлинно «военную ногу» и поручена видному финансисту и военному капитану Роберу Альтерману, одному из сотрудников военного министерства. С самого начала войны капитан организовал в ателье знаменитого парижского портного Люсьена Лелона центр «мод военного времени». Капитан Альтерман является также финансовым редактором газеты «Пари миди», консультантом министерства торговли и, самое главное, вице-председателем Французского союза экспортной промышленности, т. е. командует всеми видами французской легкой промышленности, работающей на экспорт, начиная от различной косметики и духов и кончая дорогими кружевами и шелками.

Этот финансовый магнат, являющийся держателем основных пакетов акций крупнейших французских парфюмерных, кружевных, шолковых, обувных и т. п. фирм, естественно, непосредственно заинтересован в экспорте всех этих изделий. В рекламных целях он выпустил довольно значительным тиражом «Золотую книгу французских мод», рассчитанную в основном на американский рынок.

В этой книге, в составлении которой сотрудничал ряд видных французских писателей, проводится та мысль, что «война оживляет моду, придает ей новые линии, разнообразит, а следовательно, служит к украшению женщин». Перед нами, таким образом, новый лозунг «Война способствует украшению женщин», и поэтому женщинам буржуазных стран рекомендуется обогащать капитанов Альтерманов и присных.

Одновременно с этой рекламой в газете «Пари миди» началась кампания за удлинение рабочего дня работниц текстильных предприятий и модных ателье.

«Война требует жертв»,— заявляет беспрестанно премьер-министр Рейно. Ему охотно и оживленно вторят дельцы, умеющие наживаться на всем, начиная от снарядов, взрывчатых веществ и различных видов вооружения и кончая «моралью», модами, настроениями и бедствиями военного времени.

В ТЫЛУ...

Лондонская газета «Дейли миррор», которая так рьяно ратует за «войну до победного конца», в этом году получила несколько меньшую прибыль чем в прошлом (404 589 фунтов стерлингов против 419 967). Но она выплачивает обычные 15% дивидендов и еще откладывает «про запас» 20 тысяч фунтов стерлингов.

Дело в том, что «Дейли миррор», так же как и братская компания «Сандэй пикчориэл ньюспейперс», имеет большие пакеты акций в англо-канадских бумажных предприятиях, которые в связи с войной приносят большие прибыли.

●

Большинство французских предприятий работает 60 часов в неделю. Увеличение рабочих часов может быть проведено по разрешению инспектора труда, который находится в тесном контакте с предпринимателями. Мужчины могут работать до 12 часов в день, или 72 часа в неделю; женщины и дети работают 60 часов в неделю, в среднем по 10 часов в день. Если есть срочная работа, то часы работы могут быть увеличены с разрешения инспектора и офицера, наблюдающего за производством на военных заводах. Еженедельный отдых может быть предоставлен в любой день, удобный для предпринимателей, либо ликвидирован вовсе.

Вся тяжесть войны падает на плечи рабочего. Рабочий, получавший до войны 15 франков в час, за сорокачасовую рабочую неделю получал 600 франков.

В настоящее время, работая по 60 часов в неделю, он получает: за 40 часов по 15 франков 600 франков, за 20 часов по 15 франков со скидкой в 40% 180 франков. Итого 780 франков.

Его заработок облагается следующими налогами: подоходный налог около 2,5% 20 франков, налог в 15% на заработок свыше 7 000 франков равняется 5.034 франка в год, или в неделю 96 франков. Итого 116 франков.

Общая сумма заработка в неделю — 664 франка.

Следовательно, рабочий, работая на 20 часов в неделю больше чем до войны, получает всего на 64 франка больше. Но так как жизнь подорожала по крайне мере на 20%, то реальная заработная плата французского рабочего равняется приблизительно 535 франкам за 60-часовую рабочую неделю. А ведь до войны, работая на 20 часов меньше, он получал больше!

●

Части волонтеров, набранные в Северной Родезии (Африка), проходят военную подготовку и ждут отправки на театр военных действий в Европу. Пока что они используются для расстрела забастовщиков — рабочих медных рудников в Нкане. После того как газовые бомбы не разогнали бастующих, войска открыли огонь, в результате которого 17 рабочих было убито и 29 ранено.

Бастующие требуют увеличения заработной платы на 2 шиллинга и оплаты сверхурочных, так как с начала войны потребность в меди сильно возросла и рабочих ежедневно заставляют перерабатывать несколько часов, не оплачивая сверхурочное время, в то время как медные рудники, на которых занято около 19 тысяч рабочих, получающих нищенскую заработную плату, приносят огромную прибыль. Так, в прошлом году, еще до войны, они принесли 1 миллион 42 тысячи фунтов стерлингов чистого дохода.

Трудно достичь большего цинизма чем в сообщении, помещенном в «Финансовых известиях»: «В 1939 году, не будь войны, предполагалось, что железные дороги принесут прибыль в размере 10 миллионов фунтов стерлингов. А в 1940 году прибыль по сравнению с 1938 годом будет больше приблизительно на 22 500 тысяч фунтов стерлингов».

«Наступило желанное время,— счастливо улыбаясь, добавляет джентльмен из «Финансовых известий»,— мы очень сильно нуждались в укреплении положения железных дорог».

Войны, войны, они хотят войны, ибо она так прибыльна!

Новое В НАУКЕ И ТЕХНИКЕ

ОКРАСКА МАШИН И ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА. В Соединенных штатах внимание ученых — а в практических выводах и промышленников—привлекает изучение проблемы влияния цветов и их подбора на высшую нервную деятельность. Наблюдения свидетельствуют о том, что одноцветность окраски машин и фабрикатов не только вредно действует на зрение, но и утомляет внимание, мешает сосредоточиться на производственном процессе. Рабочие одной американской обувной фабрики неоднократно жаловались на то, что у них утомляется зрение и возникают болевые ощущения в глазах при выработке черной обуви, которую они шьют черными нитками на машинах, покрытых черным лаком.

Администрация фабрики, заметив увеличение процента брака, перекрасила машины в коричневый цвет, а движущиеся их части — в зеленый. Жалобы на боль в глазах быстро прекратились; процент брака снизился, а производительность труда возросла. На одном заводе радиоламп после окраски машин в оранжевую краску, выгодно контрастирующую с зеленоватым и синим пламенем, возникающим при спайке частей, брак в первую же неделю упал на 60 процентов.

●

УДАЧНАЯ ПЕРЕСАДКА КОЖИ. Французские ученые Ф. Каридруа и В. Ренье сообщают в журнале «Ревю сьянтифик» о случае удачной пересадки кожи от одной взрослой особи на другую. Они проделывали немало опытов пересадки кожи от цыпленка к цыпленку, и эти опыты удавались; но попытки пересадить кожу цыпленка взрослой птице или кожу взрослой птицы другой взрослой птице оканчивались неудачей.

Однажды пересадка эта была произведена от петуха «кукушечьей» породы (с пестрым, черно-белым оперением) петуху так называемой родайлэндской породы, с красным оперением. В течение полугода, прошедшего после операции, казалось, что и на этот раз опыт потерпел неудачу: пересаженный лоскут кожи размером 5 × 4 сантиметра, омертвел и «отторгался», постепенно сходил, а рана под ним зарубцовывалась. Но через полгода на том месте, где приходился один из краев пересаженного лоскута, у краснoперого петуха выросло пестрое черно-белое перо, развитие которого шло совершенно нормально: после ежегодного линяния на его месте выростало такое же пестрое перо. Это показывает, что часть пересаженного от взрослой птицы лоскута кожи прижилась на взрослой птице, причем птице другой породы. Этот факт представляет большой интерес для восстановительной хирургии.

●

ДЕВЯТАЯ СИМФОНИЯ НА ДВУХ ПЛАСТИНКАХ. На Лейпцигской ярмарке этого года была показана новая граммофонная пластинка, так называемая «синхронная продолжительного действия».

Синхронная пластинка особенно удобна при проигрывании классической музыки. Так например для исполнения девятой симфонии Бетховена требуется девять двухсторонних граммпластинок, а на «синхронной продолжительного действия» симфония умещается на двух пластинках.

По внешнему виду новая пластинка не отличается от старой. Она лишь имеет «больше звуков в желобках».

ШАХМАТЫ

Под редакцией гроссмейстера А. Котова

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ШАХМАТИСТ М. И. ЧИГОРИН

История шахмат дореволюционной России знает немало выдающихся имен. Но самым крупным из всех русских шахматистов является М. И. Чигорин. Чигорин родился в 1850 году в семье служащего. В 1857 году он поступил в Гатчинский сиротский институт, но был исключен из него в связи с участием в «беспорядках», имевших место в Институте. Начав серьезно заниматься шахматами в 1873 году, Чигорин быстро становится крупнейшим шахматистом своего времени. Выступления в международных турнирах приносят ему блестящие успехи. Ряд первых призов в крупнейших турнирах дает ему право играть матч на звание чемпиона мира. Этот матч с Вильгельмом Стейницем, носившим тогда звание чемпиона мира, состоялся в 1889 году и окончился поражением Чигорина. Матч-реванш этих шахматистов (1892 год) был решен грубым просмотром Чигорина в последней партии.

Хотя Стейниц выиграл матч, но сам он называл эту победу «пирровой победой».

На глубоком по содержанию, насыщенном блестящими идеями творчестве Чигорина сказалось бездушное отношение к шахматам и шахматистам «высокопоставленных» лиц того времени. В качестве иллюстрации приведем эпизод из биографии великого шахматиста. Приехав на международный турнир в Монте-Карло, Чигорин вдруг узнает, что к игре он допущен не будет. Оказалось, что один русский князь, являвшийся президентом турнира, поставил условием своего «президентства» неучастие в турнире Чигорина, который, помещая в журнале партии этого князя, снабжал их нелестными примечаниями. Шахматисты из Монте-Карло предпочли «президентство» князя участию в турнире первоклассного игрока.

В последние годы успехи Чигорина понизились, и это служило предметом насмешек и уколов со стороны борзописцев из русских журналов. В 1908 году М. И. Чигорин скончался от тяжелой болезни.

Творчество Чигорина оценено нашими советскими шахматистами. После Октябрьской революции вышел ряд книг, посвященных его жизни и шахматной деятельности. Молодые советские шахматисты учатся на его бессмертных образцах шахматного искусства, и лучшей похвалой для шахматиста является признание того, что он является сторонником чигоринской шахматной школы.

Приводим один пример из многочисленных комбинаций Чигорина.

Гунсберг	Чигорин
1	Лf4 : f3!!
2. Фe2 : f3	....

Или 2. Л : h4Лg3 +! 3. Кр : g3Ф : h4 + 4. Крf3 Фh3 + 5. Крf2. Лf7 + 6. Крe1. Фg3 + 7. Крd1 Лf2 выигрывая ферзя.

2 . . .	Фh6 — d2 +
3. Крg2 — g1	Сh4 — f2 +
4. Крg1 — f1	Кc6 — d4!
5. Сb2 : d4	Фd2 : c1 +
6 Крf1 — e2	Лh7 : h1
7. Сd4 : f2	Фc1 : b1
8. g4—g5	Фb1—f1 +

Белые сдались, т. к. после 9. Крd2 Лh2. 10. Крe3 Лh3 11. Сg3 Фg1 + они теряют фигуру.

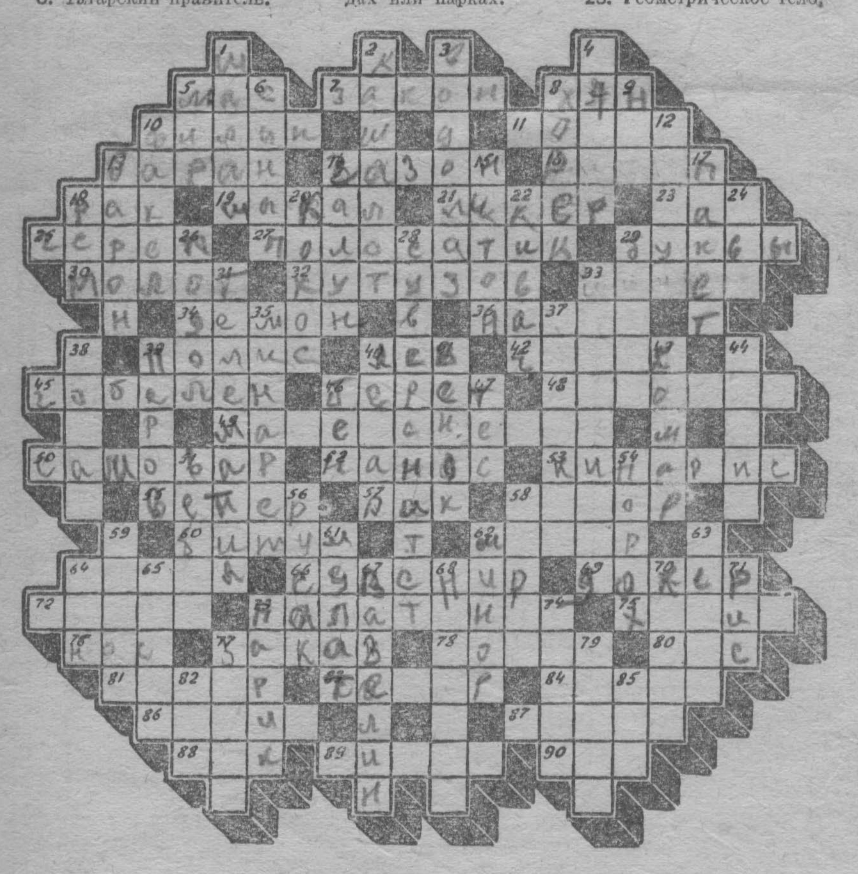
«Вся эта комбинация могла быть создана только великим мастером»,— так охарактеризовал эту партию Гунсберг.

КРОССВОРД

СОСТАВИЛ ЧИТАТЕЛЬ «ОГОНЬКА» В. ВИКТОРОВ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

5. Голландский художник XVII века.
7. Основное правило.
8. Татарский правитель.
10. Ночная птица.
11. Музыкальный термин.
13. Животное.
14. Травяной покров в садах или парках.
16. Часть электромашины.
18. Созвездие.
19. Хищное животное.
21. Спиртной напиток.
23. Геометрическое тело.
25. Часть скелета.
27. Разновидность кита.
29. Звуки, исходящие из гортани человека.
30. Инструмент.
32. Великий русский полководец.
33. Покров тела млекопитающих.
34. Опера Рубинштейна.
36. Приток Вислы.
39. Страховое свидетельство.
40. Созвездие.
42. Трикотажное изделие.
45. Ковер художественной работы.
46. Головной убор.
48. Гриб.
49. Учение о совместном нахождении минералов.
50. Предмет домашнего обихода.
52. Отложения раздробленных и размельченных горных пород.
53. Южное дерево.
55. Движение воздуха.
57. Болезнь.
58. Инструмент.
60. Материал для строительства дорог.
62. Должность на военном корабле.
64. Резной камень.
66. Подарок.
69. Портовый рабочий на Западе.
72. Сыщик.
73. Область в Центральной Европе.
75. Восточный правитель.
76. Часть лица.
77. Поручение.
78. Афинский стратег.
80. Пьеса Островского.
81. Рак-отшельник.
83. Тембр мужского голоса.
84. Животное.
86. Область в Африке.
87. Отважный человек.
88. Раствор смол.
89. Растение.
90. Портовое сооружение.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Легкая постройка.
2. Вид кита.
3. Человек, работающий под водой.
4. Шаловливость, бодрость.
5. Вселенная.
6. Сорт яблок
8. Пушной зверек.
9. Растение.
10. Светильник.
12. Хищная птица.
13. Персонаж пьесы «На дне».
14. Тесьма.
15. Элемент.
17. Сверток.
18. Легендарный основатель Рима.
20. Тропический плод.
22. Водопад в Карелии.
24. Индусский физик и физиолог.
26. Край одежды.
28. Независимость государства.
29. Местное наречие.
31. Лженаучное определение передачи мыслей на расстояние.
33. Самокат.
35. Башня мечети.
37. Историческая река в Италии.
38. Продукт, получаемый из золы растений.
39. Русский художник.
40. Посол древнего Рима.
41. Украшение из цветов.
43. Насекомое.
44. Оратор.
46. Правитель Хорватии.
47. Стройматериал.
51. Немецкий композитор.
54. Взрывчатое вещество.
56. Заяц.
58. Деспот.
59. Аллюр лошади.
61. Рожденный от брака негров с белыми.
62. Музыкальный лад.
63. Выдающийся немецкий химик.
64. Пластичная масса.
65. Горючий газ.
67. Смесь нефтяного масла с парафином.
68. Наркотик.
70. Элемент.
71. Злак.
73. Накладные волосы.
74. Предмет поклонения первобытных людей.
77. Рыба.
79. Население страны.
82. Шум.
85. Часть комнаты.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 15 «ОГОНЬКА»

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

2. Сок. 4. Кулан. 8. Фаворит. 11. Кенаф. 13. Гопак. 14. Метан. 15. Забор. 17. Котик. 19. Беж. 21. Горожанин. 23. Гул. 24. Рупор. 26. Вес. 27. Тимор. 30. Поток. 32. Сахар. 34. Пенал. 36. Вазелин. 39. Карат. 42. Мериноc. 44. Базар. 45. Телемак. 47. Багет. 48. Сероводород. 49. Гараж. 50. Самокат. 52. Табак. 53. Робурит. 55. Сенат. 56. Валенки. 58. Налим. 59. Лимож. 61. Оргия. 63. Ликер. 64. Кон. 66. Бояре. 68. Бой. 69. Розанилин. 72. Дра. 73. Минер. 74. Кисет. 76. Галун. 77. Вагон. 79. Цаган. 80. Новалис. 81. Калан. 82. Ней.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Холоп. 2. Суворов. 3. Каракас. 4. Кагор. 5. Никон. 6. Север. 7. Таз. 9. Дек. 10. Пагур. 12. Фагот. 14. Миних. 16. Боров. 18. Титан. 20. Жупан. 22. Железобетон. 23. Горал. 25. Полосатик. 28. Македония. 29. Перемет. 31. Каботаж. 32. Сирокко. 33. Самарий. 34. Пегас. 35. Нитон. 37. Завал. 38. Ладан. 40. Регул. 41. Тарим. 42. Мас. 43. Сет. 45. Тор. 46. Кат. 51. Калий. 54. Баярд. 56. Ворон. 57. Ирбис. 60. Мерин. 62. Гонец. 63. Лошак. 64. Караван. 65. Николай. 67. Ермак. 70. Зевок. 71. Линин. 73. Мул. 75. Тар. 78. Гален.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР И. ШАМОРИКОВ. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Адрес редакции: Москва, 6, Страстной бульвар, 11. Тел. К 2-96-12, К 4-28-45. Непринятые рукописи и кроссворды не возвращаются.

Оформление И. Уразова. Стат. формат 275 × 360 мм. ⅛ доли, 1½ бум. листа. Техредактор А. Котельникова.

Уполн. Главлита А—28895. Изд. № 621. 3 п. л. Знаков в п. л. 105 000. Сдано в набор 17/V—40 г. Подписано к печати 13/VI—40 г. Зак. 1793. Тираж 300.000.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ВТОРОЙ МОСКОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МЕДИЦИНСКИЙ ИНСТИТУТ
ОБЪЯВЛЯЕТ НАБОР СТУДЕНТОВ

на 1-й курс на 1940/1941 учебный год

ИНСТИТУТ ИМЕЕТ ДВА ФАКУЛЬТЕТА

1. **ЛЕЧЕБНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ**, готовящий врачей по всем специальностям.
2. **ПЕДИАТРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**, готовящий детских врачей по всем специальностям.

К приемным испытаниям допускаются лица, имеющие законченное среднее образование.

Прием заявлений производится ежедневно до 1 августа 1940 года.

Приемные испытания с 1 августа 1940 года.

Стипендия на общих основаниях.

Общежитие будет предоставляться только тем иногородним отличникам средней школы, которые будут поступать на педиатрический факультет.

При Институте организованы краткосрочные подготовительные курсы и консультации для поступающих.

Заявления и справки по адресу: **Москва, 21**, Малая Пироговская, д. № 1, новый корпус во дворе, комн. 1-я. Приемная комиссия, тел. Г 6-55-40, доб. 10.

Трамваи: А, Б, 7, 13, 17, 18, 40, 47.

ПРИЕМНАЯ КОМИССИЯ.

ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОКУРАТУРЫ СОЮЗА ССР
ОБЪЯВЛЯЕТ НАБОР СТУДЕНТОВ
на 1-й курс Института на 1940—1941 учебный год

Институт готовит высококвалифицированных специалистов-юристов для работы в органах прокуратуры.

СРОК ОБУЧЕНИЯ 4 ГОДА.

При Институте имеется аспирантура по специальностям: теории и истории государства и права, государственного права, гражданского права, уголовного права, судебного права и криминалистике.

Условия приема на общих основаниях. Студенты обеспечиваются стипендией и общежитием.

По требованию высылается проспект.

Заявления с документами направлять по адресу: **Москва, Тверской бульвар, 18. Юридическому институту прокуратуры СССР. Приемная комиссия.**

Справки по телефону: К 4-82-09.

МОСКОВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ имени М. В. ЛОМОНОСОВА

в 1940—1941 году ОБЪЯВЛЯЕТ ПРИЕМ в очную и заочную аспирантуру

По следующим специальностям: истории, политической экономии, историческому и диалектическому материализму, основам марксизма-ленинизма, математике, физике, химии, зоологии, ботанике, географии.

Только в очную: механике, астрономии, антропологии, почвоведению, геологии.

ПРИЕМ ЗАЯВЛЕНИЙ с 1 июня до 15 августа.
Приемные испытания с 20 августа до 1 сентября.

К заявлению приложить: 1) автобиографию, 2) диплом об окончании вуза, 3) справку о состоянии здоровья, 4) перечень научных работ (если они есть), 5) характеристику с последнего места работы или учебы, 6) документы об отношении к воинской обязанности, 7) справку о производственном стаже, 8) 2 фотокарточки.

Научная часть МГУ

Москва, Моховая, 11, тел. К 2-95-56.

СТАРЕЙШЕЕ ВЫСШЕЕ УЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНИЕ СССР
(существует с 1773 года)
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОРНЫЙ ИНСТИТУТ
ОБЪЯВЛЯЕТ ПРИЕМ СТУДЕНТОВ
на первый курс.

Институт готовит специалистов для горной промышленности Союза.

Прием производится на следующие специальности:

I. **ГОРНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ:**
а) разработка месторождений полезных ископаемых; б) экономика, организация и планирование горной промышленности.

II. **ГОРНО-МЕХАНИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ:**
а) горно-электромеханическая; б) гидромеханизация земляных и горных работ.

III. **МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ:**
а) металлургия цветных и благородных металлов; б) обогащение полезных ископаемых; в) каменно-литейная.

IV. **ГЕОЛОГО-РАЗВЕДОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ:**
а) маркшейдерская; б) геолого-съемочно-поисковая; в) геолого-разведочная; д) инженерно-гидро-геологическая; е) геофизические методы разведок.

Срок обучения — 5 лет. Прием заявлений до 1 августа 1940 года.

Экзамены с 1 по 20 августа 1940 года.

Стипендии и общежития для студентов на общих основаниях. По запросу высылается справочник с полной характеристикой Института и программами приемных испытаний.

АДРЕС: **Ленинград, В. О., 21-я линия, д. № 2**, Горный институт, приемной комиссии.

ОТКРЫТ ПРИЕМ в Сталинградское ВОЕННОЕ АВИАУЧИЛИЩЕ и Борисоглебскую ВОЕННУЮ АВИАШКОЛУ

I. ОСНОВНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ПОСТУПАЮЩИМ

1. В Сталинградское военное Авиаучилище и Борисоглебскую Авиашколу летчиков принимаются гражданская молодежь, красноармейцы и мл. командиры в возрасте от 18 до 21 года, имеющие полностью законченное среднее образование.

2. По состоянию здоровья принимаются только годные к летно-подъемной службе в частях ВВС и подготовленные в физическом отношении в объеме комплекса ГТО I ступени.

II. ПРАВИЛА ПРИЕМА

1. Желающие поступить обращаются с заявлением непосредственно к начальнику Сталинградского авиаучилища (адрес: гор. Сталинград) и к начальнику Борисоглебской Военной Авиашколы (адрес: г. Борисоглебск, Воронежской области).

Вместе с заявлением представляются следующие документы:

а) подробная автобиография; б) свидетельство о рождении; в) атестат об окончании среднего учебного заведения; г) справка от Горсовета или РИК'а о роде занятия родителей поступающего; д) члены и кандидаты ВКП(б) и ВЛКСМ представляют партийную или комсомольскую характеристику и рекомендацию Райкома ВКП(б) или ВЛКСМ; е) служебные отзывы с места работы или учебы; ж) справка о годности к летно-подъемной службе в ВВС; з) 2 фотокарточки размером 9×12 и 2 фотокарточки 3×4 без головного убора.

2. Поступающие в эти вузы подвергаются вступительным **конкурсным** экзаменам:

а) в объеме полного курса 10 классов средней школы по следующим предметам: русскому языку, литературе, математике (алгебре, геометрии и тригонометрии), физике, географии, истории народов СССР и по одному из иностранных языков (английский, немецкий, французский) по выбору поступающего; б) держат вступительные конкурсные испытания по физподготовке; в) проходят военно-медицинскую комиссию.

3. Кандидаты, подавшие заявления начальнику училища или школы, выезжают для прохождения конкурсных испытаний **только по вызову и по получении извещения от командования вуза.**

Лица, получившие извещения от командования училища или школы, обращаются в местный Районный Военкомат, где получают проездные документы на право бесплатного проезда до места нахождения училища или школы.

Кандидатам, прибывшим в училище или школу на время конкурсных экзаменов, предоставляется бесплатное общежитие и питание.

III. ПРАВИЛА ПОСТУПЛЕНИЯ ДЛЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

1. В Сталинградское Авиаучилище и Борисоглебскую Военную Авиашколу принимаются красноармейцы и мл. командиры 2-го года службы, имеющие полностью законченное среднее образование.

Красноармейцы и мл. командиры от конкурсных экзаменов не освобождаются, а проходят все приемные комиссии наравне со всеми кандидатами.

2. **Порядок поступления.** Красноармейцы и мл. командиры подают рапорт по команде, к рапорту прикладывают подробную автобиографию, характеристику партийной или комсомольской организации, атестат об окончании полной средней школы, справку о возрасте, заключение военно-врачебной комиссии о годности к летно-подъемной службе, справку с места работы родителей о роде их занятий, служебные отзывы, ходатайство командира и военкома части и 2 фотокарточки (9×12 и 3×4) без головного убора.

Рапорт со всеми документами направляется командованием части в училище или школу.

Красноармейцы и мл. командиры прибывают в вуз для прохождения конкурсных экзаменов **только по вызову начальника училища или школы.**

IV. СРОКИ ПРИЕМА ЗАЯВЛЕНИЙ И ПРОХОЖДЕНИЯ КОНКУРСНЫХ ЭКЗАМЕНОВ

1. Заявления в Сталинградское Авиаучилище и Борисоглебскую Авиашколу принимаются с 15 июня по 15 июля 1940 года.

2. Вступительные конкурсные экзамены по общеобразовательным предметам, по физподготовке производятся с 1 июля по 1 августа 1940 года.

3. Выдержавшие конкурсные экзамены по общеобразовательным предметам, физподготовке и признанные по состоянию здоровья годными быть летчиками зачисляются курсантами указанных вузов.

Успешно окончившие указанное авиаучилище или школу получают звание военного летчика и удостаиваются военного звания ЛЕЙТЕНАНТ.

Не выдержавшие конкурсных испытаний направляются обратно по месту жительства, а военнослужащие — в свои части.

За всеми справками и разъяснением можно обращаться непосредственно в Сталинградское Военное Авиаучилище и Борисоглебскую Авиашколу.

УПРАВЛЕНИЕ ВУЗ ВВС КРАСНОЙ АРМИИ

Огонек
1
Цена 50 коп.